

ИГРА В КОСТИ

Личная драма в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Такэто Ямагути, 65-70 лет

Такэто Ямагути, 25 лет

Мария Кузнецова, 25 лет

Айкюта, 45 лет, затем 65 лет

Айкюта, 3 года, затем 5 лет

Джулия Крипфорд, 35 лет, затем 55 лет

Роберт Уэлс, 35 лет, затем 55 лет

Татьяна Туринская, 60 лет

Зиновий Андреевич, 70 лет

Следователь, 45 лет

Джордж Бэлфаст, 60 лет

И Минь, 40 лет

Сюэ Мэй, 45 лет

Бородатый

Ричард Джефри

Напарник Такэто

Офицер НКВД

Юноша на балу

Санитар

Пассажир

Начальник тюрьмы

Пассажирка

Линь Сюэнь

Председатель Совета

Георгий Гинс

Доктор

Виктор Сергеевич

Яков

Зинаида Васильевна

Бойкая Тётка

Продавец гастронома
Шура
Покупатель
Продавщица киоска
Секретарь Иосимуры
Кассирша в фотоателье
Саревич
Крымов
Иошинори
Худощавый
Стражник Юй Дин
Иосимура
Хирург
Карасава
Женщина на операционном столе
Грудастая дама
Женщина за кафедрой
Елизавета Грамкау
Женщина на перроне
Официантка в кафе
Второй доктор
Сиро Исии
Тёсё
Первый носильщик
Второй носильщик
Два охранника в Посольстве
Грузчик в доме Татьяны
Посетители ресторана «Модерн»
Двое играющих в кости
Участники вечера Пушкина
Участника вечера Лермонтова
Люди на перроне
Туристы в музее Пинфана
Люди в лаборатории
Хирурги в операционной

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

За кафедрой — профессор Джордж Бэлфаст с конвертом в руках. На заднике сцены растянут флаг США и написаны приветственные слова участникам конференции: «Премия года-1981. Госпиталь Синай города Балтимор приветствует участников церемонии».

БЭЛФАСТ. Я думаю, дорогие коллеги, многие из вас хотели бы оказаться в этом конверте. Но, к сожалению, место занято, и вы все догадываетесь, кем. (Открывает конверт.) ...Итак, премию за выдающиеся результаты в области разработки методов трансплантации органов получает профессор Гарвардского университета, доктор медицинских наук, выдающийся хирург... Такэто Ямагути!

Шум аплодисментов. Со своего места в зрительном зале поднимается пожилой японец, коротко кивает, будто извиняется перед собравшимися. Вспышки фотоаппаратов в зале, фотографы сопровождают Такэто Ямагути до самой кафедры. Такэто обнимает Бэлфаста, профессору вручают цветы, статуэтку и премию.

БЭЛФАСТ. Ну а теперь, уважаемые журналисты, у вас есть уникальный шанс спросить самого Такэто Ямагути обо всем, что вас интересует.

Аплодисменты. Бэлфаст сходит со сцены. Из зрительного зала поднимается мужчина.

МУЖЧИНА. Ричард Джефри, газета «Таймс». Профессор Ямагути, правильно ли я понимаю, что пересадка жизненно важных органов человеку — уже реальность?

ТАКЭТО. Вы понимаете правильно. Наша методика позволяет максимально уменьшить риск отторжения любого имплантата.

МУЖЧИНА. Сколько лет вам потребовалось, чтобы достичь таких результатов?

ТАКЭТО (грустно улыбается). Жизнь, молодой человек. Вся моя жизнь.

С первого ряда вскакивает женщина.

ЖЕНЩИНА (громко). И множество чужих! ...Джулия Крипфорд, независимый журналист. Господин Такэто Ямагути, вы получили приглашение на встречу ветеранов отряда 731 Квантунской армии?

ТАКЭТО (спокойно). Я не знаю о таком приглашении.

ДЖУЛИЯ (читает с листа). 5 сентября 1981 года в 15 часов состоится первая всеяпонская встреча «Общества боевых друзей» отряда 731 Квантунской армии... (Выбирает главное из текста.) Сегодня, спустя 40 лет... мы вспоминаем далекие дни нашей юности, которую в порыве патриотизма не колеблясь посвятили служению родине, и ощущаем, какой глубокий след оставило это в наших душах. В те далекие времена... мы в составе отряда 731 на бескрайних полях Северной Маньчжурии встали на защиту жизненных интересов империи... (Джулия поднимает глаза на профессора.) Место проведения — Синано, город Мацумо-то, Ямабэ, отель «Горячий источник Мигахара». Взнос участника — 8 тысяч иен... Вы послали свой взнос, профессор?

ТАКЭТО. Извините, но я не являюсь ветераном Квантунской армии...

ДЖУЛИЯ. А как вы объясните наличие вашего имени в списках отряда 731?

ТАКЭТО. У вас буйная фантазия.

ДЖУЛИЯ. Вам ни о чем не говорит китайский город Харбин? И его пригород Пинфан, по-видимому, тоже?! (Достает из сумки папку.) Это материалы из музея Пинфана!..

Джулия бросает листы и папку на сцену. К Джулии подбегает охрана и пытается вывести из зала.

ДЖУЛИЯ. Убийца!

Такэто стоит на сцене безмолвно.

ДЖУЛИЯ. Вы ставили опыты над людьми! Вы преступник, а не врач! И я открою миру всю правду!

ТАКЭТО. А вы знаете всю правду?..

Сцена 2

Кабинет следователя ФБР.

Следователь листает материалы дела. Перед Следователем сидят Такэто Ямагути и его адвокат Роберт Уэлс.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Профессор, вы знаете, как к вам относится весь научный мир... Но формальности есть формальности... Скандал, который подняла Джулия Крипфорд, взорвал Америку. И не только Америку.

ТАКЭТО. Я понимаю, господин следователь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я обязан задать вам ряд вопросов, господин Ямагути. Должен вас предупредить, что для сохранения малейших деталей мы производим запись нашей беседы. Вы не возражаете?

УЭЛС. Господин следователь, я выражаю протест. Вы можете производить запись только в том случае, если это допрос и господину Ямагути предъявлены обвинения .

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Фактически они прозвучали из уст госпожи Крипфорд.

УЭЛС. Так это беседа или допрос, господин следователь?

ТАКЭТО. Давайте считать это поиском истины. (Следователю.) Записывайте всё, что вам нужно. Мне нечего скрывать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Спасибо, господин Ямагути. (Включает записывающие устройства.)

Известно ли вам о существовании отряда 731 в городе Пинфан?

ТАКЭТО. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Известно ли вам, что лаборатория отряда готовила распространение бактерий на огромной территории, которое грозило исчезновением целых стран и наций с лица Земли?

ТАКЭТО. Известно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Известно ли вам об опытах над живыми людьми, которые проводились в стенах лаборатории? О тысячах замученных заживо китайцев, русских, корейцев и монголов?

ТАКЭТО. Да, мне известно.

УЭЛС. Об этом уже много написано в прессе...

Следователь замолкает на несколько секунд.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Профессор Ямагути, не нарушили ли вы закон США и не скрыли ли своего военного прошлого, когда просили политического убежища в 1945 году?

ТАКЭТО. Нет, господин следователь, я не обманывал Соединенные Штаты Америки.

УЭЛС. Господин Ямагути никоим образом не связан с экспериментам в лаборатории Пинфана.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но, господин Уэлс, у нас совершенно иная информация. Господин Ямагути, вы говорите по-русски?

ТАКЭТО. По-русски? Господи, как давно это было... Я произнёс первое русское слово в 1934 году... В поезде «Владивосток-Москва»...

На экране кинокадры хроники движения поезда 1934 года.

Сцена 3

На сцене купе поезда. В купе Такэто Ямагути и Офицер НКВД. В дверях голова Пассажира, пытающегося войти в своё купе, шум недовольной толпы.

ОФИЦЕР (к Такэто). По-че-му без со-про-вождения, спрашиваю, а?

ПАССАЖИР. Так зайти можно уже?!

ОФИЦЕР. Выйти можно!

ПАССАЖИРКА. Да что там такое?

ПАССАЖИР. Узкоглазый какой-то, «ни бэ ни мэ» по-русски, а еще туда же!

ТАКЭТО (протягивает офицеру бумаги). Такэто...

ОФИЦЕР. Что ты заладил: так — это, так — это? Почему без переводчика?

В купе заглядывает молоденькая девушка Маша.

МАША. Зовут его Такэто. Давайте я вам помогу. (К Такэто, по-японски.) У вас есть какие-то сопроводительные документы? (После каждой японской фразы эхом звучит перевод на русский язык.)

ТАКЭТО. Есть! Но здесь почему-то никто не читает по-японски!

ОФИЦЕР. Всё переводить, дословно!

МАША. Я спросила у товарища Такэто сопроводительные документы.

ОФИЦЕР. Нашла товарища.

Такэто протягивает своей спасительнице какие-то бумаги. Маша читает и переводит.

МАША. По приглашению Академии наук СССР аспирант Токийского мединститута Такэто Ямагути, показавший лучшие результаты на III Международном конкурсе

молодых ученых, отправляется в Москву для участия в научной конференции, которая состоится 26-30 ноября 1934 года».

ОФИЦЕР (смотрит в бумаги, потом на Машу). Это где же ты так по-японски наловчилась? Документы покажи.

ПАССАЖИР (появляется в дверном проеме). Ездют тут шпионы всякие, честных советских людей задерживают!

Маша протягивает офицеру паспорт и студенческий билет.

МАША. Мария Кузнецова, студентка Московского университета.

ОФИЦЕР. А откуда так на японском шпаришь?

МАША. Я на кафедре восточных языков учусь. Японский — мой основной, второй — китайский.

ОФИЦЕР. Подготовочка...

ПАССАЖИР (всовывает голову). Да стрельнуть их нахер, и всего делов!

ОФИЦЕР. Я тебя самого сейчас стрельну!

Голова Пассажира исчезает.

ТАКЭТО (Маше). Что он сказал?

МАША. Хорошей дороги пожелал...

ОФИЦЕР. Всё переводить! И вслух!

МАША. Спрашивает, когда поезд отходит.

Офицер еще раз глянул в паспорт.

ОФИЦЕР. Так... Сама из Владивостока, значит. (Приоткрывает дверь купе.) А ну — отошли все отсюда!

ПАССАЖИРКА. Да быстрее уже! Совсем совесть потеряли, люди в тамбуре мерзнут!

ОФИЦЕР. Поговори мне ещё! Будешь в тамбуре до Москвы ехать!

Офицер захлопывает дверь и разговаривает с Машей, не сводя глаз с Такэто.

ОФИЦЕР. Значит так, Мария Кузнецова... Ты комсомолка?

МАША. Конечно. И секретарь ячейки факультета.

ОФИЦЕР. Это хорошо. Тогда слушай задание, секретарь. Чтобы ты до самой Москвы с этого япошки глаз не спускала. Все, что он будет говорить, — запоминай, а еще лучше — записывай. Все его вопросы запиши. В Москве тебя вызовут куда нужно, там отчитаешься. Задание понятно?

МАША. Понятно... Вы думаете, он японский шпион?

ОФИЦЕР. Мы о шпионах не думаем — мы их ловим.

Офицер отдает Маше паспорт, а студенческий билет кладет в нагрудный карман.

МАША. А студенческий?

ОФИЦЕР. Студенческий тебе в Москве вернут. Следуйте без приключений. Вас беспокоить не будут.

Офицер уходит.

ТАКЭТО. Что он сказал?

МАША. Хорошей дороги пожелал...

ТАКЭТО. Как это по-русски?

МАША (отчетливо). Хо-ро-шей до-ро-ги.

ТАКЭТО (прилежно повторяет по-русски). Хо-ло-сей до-ло-ги. (По-японски.) У вас из-за меня неприятности?

МАША. Нет-нет, всё нормально.

ТАКЭТО. Что бы я без вас делал!.. Я обязательно приглашу вас к себе в гости.

МАША. А где вы живете?

ТАКЭТО. В Токио!

МАША (смеется). Это далеко... Нет уж, сначала — в самый красивый город в мире!

ТАКЭТО. Я и говорю — в Токио...

МАША. В Москву!

ТАКЭТО. А Москва недалеко отсюда?

МАША. Как раз хватит времени выучить русский язык.

В купе входят Пассажир и Пассажирка, они перепуганы насмерть и смирно садятся рядом.

ТАКЭТО (кланяясь, по-японски). Здравствуйте, я Такэто Ямагути.

ПАССАЖИР. Ничего, ничего, мы тут тихонечко ...

ПАССАЖИРКА. До самой Москвы не побеспокоим!

Влезает на верхнюю полку и помогает Пассажирке залезть туда.

ТАКЭТО. Холосей дологи!

ПАССАЖИРКА (осеняет себя крестом). Господи, оно ещё и по-русски знает!

Поезд трогается. На экране кадры отправления поезда.

Сцена 4

Кабинет следователя ФБР.

ТАКЭТО. Хорошей дороги...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Для чего вы приехали в Советскую Россию?

ТАКЭТО. Я приехал учиться. В 1933 году доктор Юрий Вороной впервые пересадил почку умершего живому человеку... И она заработала!

Документальные кадры Москвы 1934 года.

Сцена 5

В зале медицинского института идёт учёный совет. Такэто рисует диаграммы на доске и с трудом говорит по-русски.

ТАКЭТО. Доктор Вороной отказался от мысли брать органы у живого человека. Он считает, что «невозможно наносить заведомую инвалидность здоровому человеку, вырезая у него нужный для пересадки орган для проблематичного спасения больного». Но я рассматриваю пересадку некоторых органов самого человека... Например, мы можем взять часть артерии из ноги... И заменить этой частью сосуд сердца, пораженный инфарктом... (Мел ломается.) Извините... Но у меня это всё есть в бумагах...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА. Хорошо, товарищ Ямагути. Для первого раза — достаточно. Должен вам сделать комплимент: за два месяца вы освоили русский язык...

Такэто кивком благодарит Председателя и собирает свои листочки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Бумаги оставьте. Все свободны. Виктор Сергеевич и Зинаида Васильевна, задержитесь.

Члены совета выходят из аудитории, похлопывая Такэто по плечу и пожимая ему руку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что скажете, коллеги?

ЗИНАИДА. Неплохо... Нагло, смело... (Виктору.) Что вы скажете?

ВИКТОР. Ну, в некотором роде наивно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это гениально, хоть себе не врите.

ЗИНАИДА. Коллеги, мы же давно с вами работаем над этой темой...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (одобрительно). Мальчик приехал учиться и привёз нам наши же идеи... Похвалим его и отправим домой. А идеи — принадлежат человечеству.

ЗИНАИДА. И прежде всего — советскому народу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дружные аплодисменты. (Виктору.) А наброски передайте нашим кураторам по НКВД.

Сцена 6

Кабинет следователя ФБР.

УЭЛС. Господин следователь, мне кажется, что мы уходим от темы беседы. Мы говорили о Пинфане, а оказались в Москве.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А вы бывали в России, господин адвокат?

УЭЛС. Я? Никогда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Побывайте. Это страна, в которой впервые задумались о том, что за всякое преступление следует неизбежное самонаказание.

УЭЛС. Что вы говорите? Как интересно...

СЛЕДОВАТЕЛЬ (к Такэто). Вам понравилась Советская столица?

ТАКЭТО. И столица тоже. Но сначала — советская девушка.

Кадры Москвы 1935 года.

Сцена 7

Мария и Такэто гуляют по Москве. На экране витрины московских магазинов 1935 года.

МАША. Стой. Смотри.

ТАКЭТО (читает). Ры-ба.

Они заходят в гастроном, перед ними большие аквариумы. Такэто склоняется над табличкой, читает по слогам.

ТАКЭТО. Карп о-бы-чно-вен-ный.

МАША. Это тут! Давай купим? Хочешь, я приготовлю?

Такэто смотрит на аквариум с карпами, оттуда Продавец вылавливает одну из рыбин, на которую указывает покупатель.

ТАКЭТО. Ну если ты хочешь есть меня...

Маша смеется.

ТАКЭТО. Это правда, Машенька! Это... Как это по-русски? (Читает.) Карп? По-японски — Кои... У каждого... У них есть имя. (Смотрит на аквариум.) У кого-то есть имя Такэто. Это символ самурая. Карп — это... Это храбрость. Это... (Пытается подобрать слова.) Можно я по-японски? (Маша кивает.) Это важно. (По-японски.) Будущих самураев учат: дети должны проявлять такое же упорство, как карп, который преодолевает бурные речные пороги, такую же стойкость и такое же бесстрашие, какие проявляет эта рыба на столе повара, не уклоняясь и не вздрагивая от удара ножа. ...Ты знаешь, японских мальчиков учат не плакать. Настоящий самурай никогда не плачет...

МАША. Ты тоже никогда не плачешь?

ТАКЭТО (серьезно). Никогда. Я просто не умею этого делать.

Продавец заворачивает карпа в бумагу и отдает покупателю, тот кладет рыбу в авоську и проходит мимо пары. Рыба дергается в авоське. Такэто смотрит на авоську и улыбается.

ТАКЭТО. Я же тебе говорил. Он не сдаётся.

Такэто видит на витрине продающиеся открытки.

ТАКЭТО. Машенька, давай лучше купим Москву!

МАША. Ты хотел сказать: «Купим открытку с изображением Москвы».

ТАКЭТО. Я хочу помнить Москву и наше счастье!

Маша берёт в руки открытку.

МАША. А сколько стоит одна открытка?

ПРОДАВЩИЦА. Открытки только в подарочном наборе. Двенадцать штук. Два рубля сорок копеек.

МАША. Ой как дорого!

ПРОДАВЩИЦА. Возьмите спички. Тоже набор подарочный. Главные площади Москвы.

ТАКЭТО. Мы купим все площади Москвы!

Покупают спички и выходят из магазина.

МАША. Ты настоящий транжира!

ТАКЭТО. Что это значит?

МАША. Это человек, который любит тратить деньги!

ТАКЭТО. Нет-нет, я просто бабник!

МАША (возмущенно). Кто-кто?!

ТАКЭТО. Бабник. Это слово я выучил недавно. Ребята мне объяснили, что это значит — человек, который любит женщину! Я же тебя люблю!

МАША. Бабник — это тот, который любит много женщин и сразу! Лучше будь транжирой!

На экране Арбат 1935 года. Такэто неожиданно обнимает Машу.

ТАКЭТО. Ты знаешь, у нас будут самые умные дети!

МАША. Не кричи. Ты же говоришь по-русски! Почему у нас будут самые умные дети?

ТАКЭТО. Потому что умные дети рождаются от безумной любви!

МАША. А давай так и назовем наших детей?

ТАКЭТО. Как?

МАША. Ну чтобы означало «безумная, безграничная любовь»... По-японски.

ТАКЭТО. Но таких имен нет!

МАША. Так надо придумать!

ТАКЭТО. Тогда девочка будет Эйайко, а мальчик — Айкюта! Ни у кого больше не будет таких имен!

МАША. Хорошо! Только мне не понравилось, как ты сказал! «Хочу помнить счастье».

Зачем помнить? Надо жить счастливо!

ТАКЭТО. Это правда. Но счастье — это так редко, знаешь.

На экране полукруглое здание с колоннами и сферической крышей. Над входом — надпись «Фотография».

ТАКЭТО (читает). Фо-то-гра-фи-я... Давай сфотографируемся!

На экране прейскурант фотоателье, предлагающий монтаж улыбки, полуулыбки, бороды, усов; выставлены портреты, групповые снимки, детские фотографии, на каждой стоит подпись: М. С. Наппельбаум.

МАША. Ты с ума сошел! Ты знаешь, кто такой Наппельбаум? Это же который Ленина фотографировал!

ТАКЭТО. Пусть и нас фотографирует с Лениным!

МАША. Ленин умер! (Испуганно оглядывается.) То есть Ленин жив.

Такэто с недоумением смотрит на Машу.

ТАКЭТО. Так умер или жив?

МАША. Ну вообще-то он умер, но теперь вечно живой!

ТАКЭТО. Какой трудный этот ваш русский язык!

Такэто тянет Машу за собой в экран.

Фотоателье. Предбанник.

КАССИРША (принимает деньги). Пройдите к фотографу Чернову, комната номер три.

ТАКЭТО. Как — Чернову? Нам надо Наппельбаум.

КАССИРША. Нос не дорос к Наппельбауму.

Такэто оборачивается к Маше.

ТАКЭТО. Что с моим носом, Машенька?

МАША. Русская идиома. (Тянет его за рукав.) Так говорят — нос не дорос.

ТАКЭТО. А что это значит?

МАША. Значит, к Чернову нам!

Такэто неотрывно смотрит на Кассиршу.

ТАКЭТО. Как вас зовут, госпожа?

КАССИРША. У нас господ нет. У нас — товарищи. И зовут меня — товарищ Наталья.

ТАКЭТО. Товарищ Наталья, я приехал из дружественной Японии и хочу там говорить, что меня фотографировать тот человек, кто фотографировать ваш уважаемый Ленин! (Улыбается.) Меня научили русские ребята волшебное слово — пожалуйста!

КАССИРША. Товарищ Наппельбаум фотографирует только выдающихся людей!

ТАКЭТО. Мы станем выдающимися! Обещаем вам!

КАССИРША. Это будет вам очень дорого стоить! Пятьдесят рублей!

МАША. Такэто, пошли к Чернову!

ТАКЭТО. Нет, я хочу туда, где фотографировался Ленин!

Такэто выкладывает кассирше деньги, и они с Машей заходят в тёмную комнату.

ГОЛОС. Спокойно, товарищи, вы заходите в вечность!

Раздается щелчок створок фотографического аппарата.

*На экране возникает пожелтевшая фотография Маши и Такэто с подписью «М. С.
Наппельбаум, 1935».*

Сцена 8

Кабинет следователя ФБР.

Такэто смотрит на экран с фотографией. Эхом звучат голоса.

ГОЛОС ТАКЭТО. Мы станем выдающимися! Обещаем вам!

ГОЛОС КАССИРШИ. Это будет вам очень дорого стоить! Пятьдесят рублей!

Такэто держит в руках фотографию.

ТАКЭТО (взволнованно). Где вы взяли эту фотографию?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (кладёт перед Такэто файлы с фотографиями). Все эти фотографии передала нам Джулия Крипфорд. Мы пригласили на этот разговор и виновницу скандала. Если вы не возражаете.

УЭЛС. Профессор, я бы не советовал вам вступать в контакт...

ТАКЭТО. Я согласен, господин следователь.

УЭЛС. За что вы вообще платите мне деньги?

Следователь даёт сигнал Охраннику, и в кабинет входит Джулия.

ДЖУЛИЯ. Решили покаяться в прошлом?

ТАКЭТО. Покаяться?.. В чём мне каяться?

ДЖУЛИЯ. В чём? Покажите фотографии!

Следователь нажимает кнопку, и на экране начинают мелькать кадры из музея Пинфана.

ДЖУЛИЯ. Вот они, те, кого вы называли «брёвнами», те, кого вы пилили, строгаги, разделявали на части и пришивали эти части в другом порядке! Как бы я хотела, чтобы вы сами оказались на разделочном столе в Пинфане!

ТАКЭТО. Скажите, где вы взяли фотографию этой пары? Верните её на экран, пожалуйста.

На экране появляется фото Наппельбаума.

ДЖУЛИЯ. Это копии экспонатов музея Пинфана... Там собраны личные вещи погибших... В том числе и фотографии.

ТАКЭТО. Да... Она погибла. Она замёрзла в степи...

Такэто указывает Джулии на фотографию.

ТАКЭТО. Это моя жена, Маша. А это — я...

Джулия недоверчиво смотрит на фотографию.

ДЖУЛИЯ. Здесь русская женщина... И этот молодой человек мало похож на вас...

ТАКЭТО. Я тоже мало похож на того молодого человека. Этой фотографии скоро пятьдесят лет, она совсем из другой жизни.

На экране Москва.

Сцена 9

Комната Маши.

Такэто смотрит в маленькое зеркальце, стоящее на столике, и читает стихи.

ТАКЭТО. Как много лиц

Осталось в этом зеркале.

И вот еще одно.

Осталось.

Маша накрывает на стол.

МАША. Это хокку?

ТАКЭТО. Хокку по-русски!

МАША. По-русски это хокку звучит так: «Свет мой, зеркальце! скажи, Да всю правду доложи! Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?»

ТАКЭТО. Не всё понятно, но красиво!

Маша пододвигает к Такэто блюдо, сама расставляет салаты.

МАША. Попробуй на соль.

Такэто берёт в рот ложку и с трудом пережевывает еду. Он смотрит на многочисленные вазочки, оформленные рожцами из моркови и свёклы.

ТАКЭТО. Твердо. Но красиво!

МАША (расстроено). Не получилось, да?

ТАКЭТО. Получилось! Очень получилось!

Внезапно гаснет свет. Такэто привлекает к себе Машу.

ТАКЭТО. Вот, это знак духов, сейчас всё получи́ться!

МАША. Это знак нашего электрика. Опять с проводкой нахимичил. Подожди! У меня есть свечи. Будем ужинать при свечах! Где же спички?

ТАКЭТО. Можно поджигать «Площади Москвы».

МАША. Тише! Ты с ума сошел! Тебя за такую фразу посадить могут! Спички «Пло-ща-ди Мос-квы». (После паузы.) Жалко площади Москвы. Они же сувенирные.

Такэто зажигает свечу, Маша улыбается и зовет его к столу.

МАША. Садись!

Такэто рассыпает спички.

МАША. Ой!

ТАКЭТО. Ничего-ничего! Ими даже можно играть в маджонг.

МАША. Маджонг? Я не знаю такого слова.

ТАКЭТО. Это по-китайски — игра в кости. И игра сама китайская. Японцы много чего взяли у китайцев. Я научу тебя!

Свет в общежитии включается.

ТАКЭТО. А жаль...

МАША. Всё-всё, теперь за стол! А то ужин совсем остынет!

Они садятся. Маша накладывает в тарелку Такэто всего и много. Такэто пробует одно из блюд, тоже с трудом пережевывает.

МАША. Вкусно?

ТАКЭТО. Очень вкусно!

МАША. Ты помнишь, как это по-русски? Я тебя учила. Пальчики оближешь. Паль-чи-ки об-ли-жешь!

Такэто отставляет в сторону тарелку и привлекает к себе Машу. Он целует каждый пальчик на ее руках.

ТАКЭТО. Как ты сказала? Пальчики оближешь?

Они обнимаются.

МАША. А как же еда?

Они целуются.

Сцена 10

Кабинет следователя ФБР.

УЭЛС. Господин следователь, мне кажется, что наша беседа превращается всё-таки в допрос!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Господин адвокат, я даже не вмешиваюсь в беседу двух свободных людей.

УЭЛС. Но госпожа журналистка...

ТАКЭТО. Оставьте, Уэлс, мы уже не здесь. Госпожа Крипфорд включила машину времени...

ДЖУЛИЯ. Но в вашей биографии нет сведений о том, что вы были женаты.

ТАКЭТО. Это было в другой жизни. В жизни, которую нам не дали прожить...

На экране Москва 1935 года.

Сцена 11

Кабинет сотрудника НКВД.

В кабинете Маша, капитан НКВД Крымов и майор Саревич.

МАША. Товарищ Крымов, я же уже много раз говорила, что товарищ Такэто Ямагути постоянно сидит за книгами, он даже никуда не ходит!

КРЫМОВ. Да, это мы уже много раз слышали. Интересно знать, почему он остался на стажировке в Советском Союзе, его же в Токио целая лаборатория ждет! О нем там газеты пишут! Вы записывайте свои ответы.

МАША. Товарищ Ямагути говорит, что советская медицина — лучшая медицина! Он хочет стать хорошим врачом.

САРЕВИЧ. Андрей Михалыч, девчонке учиться надо, экзамены сдавать.

КРЫМОВ. У неё сейчас главный экзамен. Мария Сергеевна, а чем еще интересуется ваш новый товарищ? Или кем? Вы пишете, пишете...

Маша пишет, потом останавливается.

МАША. Товарищ Крымов, разрешите мне больше не следить за товарищем Ямагути, пожалуйста! Я действительно должна заниматься учебой, мне диплом надо писать, а я вместо этого отчеты пишу... Он правда настоящий ученый!

САРЕВИЧ. Мария Сергеевна, подпишите показания — и можете идти на учебу.

КРЫМОВ. Товарищ майор...

Маша благодарно смотрит на Саревича, ставит подпись на бумаге, исписанной ее каллиграфическим почерком.

КРЫМОВ. Вы свободны. Пока что свободны.

Маша выбегает из кабинета.

КРЫМОВ. Товарищ майор... А письменные показания...

САРЕВИЧ. Дуб ты, Крымов! Подпись поставила настоящую. Доброе слово запомнила.

А показания всегда можно дополнить.

Сцена 12

Посольство Японии в Москве.

В кабинете Такэто и Худошавый японец лет сорока пяти.

ХУДОЩАВЫЙ. Вы не всё знаете, молодой человек. Государство Япония успешно расширяет свои границы... Вчера, 23 марта 1935 года, подписан договор с Советским Союзом. Мы вынудили Союз продать свои права на КВЖД. (Смеется.) За сто сорок миллионов иен! В рассрочку! Ты понимаешь, что это значит? Посреди яблочка образовался упитанный червячок, который выест всё яблоко изнутри. Сегодня же ты отправишься в новые японские владения Японии — государство Маньчжоу-Го.

ТАКЭТО. Куда?

ХУДОЩАВЫЙ. В Китай. В бывший Китай! Бывший!

ТАКЭТО. Но зачем?

ХУДОЩАВЫЙ. Будешь работать в секретной лаборатории как медик и блестящий специалист, который, ко всему прочему, говорит на русском языке. Аналогов такой лаборатории в мире нет.

ТАКЭТО. Что я буду там делать?

ХУДОЩАВЫЙ. Ты для чего учился столько лет? Ты ведь хочешь апробировать и реализовать свои гениальные разработки, на которые император угрожал столько денег.

ТАКЭТО. Да, да, конечно. Я... могу кого-нибудь взять с собой?..

ХУДОЩАВЫЙ. Нет, ты поедешь один.

ТАКЭТО. Сколько времени у меня есть на сборы?

ХУДОЩАВЫЙ. Нисколько. Выезжаем немедленно. Самолёт ждёт на аэродроме.

Такэто морщится, выдыхает воздух и бросается к окну. Не успеваает он вскочить на подоконник, как, словно из-под земли, вырастают два охранника и хватают его с обеих сторон. Такэто пытается вырваться. Охранники заламывают руки Такэто за спину.

ХУДОЩАВЫЙ. Нехорошо, господин Ямагути. Вы поступили не как настоящий японец. А как ненастоящий японец.

ТАКЭТО. Я не могу уехать просто так! Я не могу бросить свою жену!

ХУДОЩАВЫЙ. Мария Сергеевна Кузнецова не является вашей женой, Такэто Ямагути. Зачем же вы обманываете родное государство?

ТАКЭТО. Но она является моей невестой...

ХУДОЩАВЫЙ. Мария Сергеевна Кузнецова является агентом НКВД, который приставлен к вам следить за вами, а затем писать подробные отчеты...

Худощавый протягивает Такэто бумаги, исписанные каллиграфическим почерком Маши.

ХУДОЩАВЫЙ. И ради советской шлюхи ты был готов предать императора?!

Сцена 13

Кабинет следователя ФБР.

ДЖУЛИЯ. Как красиво и романтично звучит! Но глядя на вас и думать о романтике страшно.

УЭЛС. Госпожа Крипфорд...

ДЖУЛИЯ. Ничего личного — констатация факта!

ЯМАГУТИ. Ради этой женщины я был готов забыть и Японию, и императора.

ДЖУЛИЯ. Так почему же вы не остались с ней, в Москве?

ЯМАГУТИ. Меня силой посадили в самолёт и отправили в Китай, в Харбин. А перед этим показали пачку донесений в НКВД, исписанных рукой Маши. Я долго думал, что она предала меня.

Кадры Москвы 1935 года.

Сцена 14

Кабинет Крымова.

Маша сидит перед столом Крымова с каменным лицом. Крымов перечитывает и швыряет ей листы бумаги на стол.

КРЫМОВ (передразнивает слова Маши). «Товарищ Ямагути говорит, что советская медицина — лучшая медицина», «Товарищ Ямагути хочет стать хорошим врачом», «Товарищ Ямагути будущий гений хирургии!» Шпион Ямагути!

МАША. Дайте мне задание.

КРЫМОВ. Какое ещё задание. Тебе мало, что мы по твоей милости упустили японского шпиона? Лихо он: из Москвы — и в Харбин! Да нас за это всех могут к стенке...

МАША. К стенке нужно шпионов.

КРЫМОВ. Это правильно.

МАША. Дайте мне задание.

КРЫМОВ. Ты понимаешь, о чём говоришь?!

МАША. Я найду его. И приведу приговор в исполнение.

КРЫМОВ. Интересно девки пляшут... Тут тебе любовь, и тут — приговор.

МАША. От любви до ненависти один шаг. Отправьте меня в Харбин. У меня второй язык — китайский.

Крымов берёт Машу за подбородок и смотрит ей в глаза.

КРЫМОВ. Китайский, говоришь? Я доложу руководству про твою инициативу. Ты смотри, Мария, такими словами не бросаются. Если прикажут...

МАША. Выполню.

Сцена 15

Кабинет следователя ФБР.

ТАКЭТО. Вы все равно мне не верите... Почему? Неужели я так похож на преступника?

ДЖУЛИЯ. Профессор, откуда вы знаете китайский?

ТАКЭТО. Меня готовили к работе в отряде 731...

ДЖУЛИЯ (Следователю). Он сознался! Он сам это сказал!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, вы там все-таки работали?

ТАКЭТО. Нет. Но меня готовили...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что значит — готовили?

ТАКЭТО. Начальник лаборатории, Иосимура, говорил так: «Для того чтобы распилить бревно, нужно железо!» Но железо из меня никак не получалось...

На экране Пинфан 1935 года.

Сцена 16

Операционная палата.

Группа врачей, среди которых Такэто и Иосимура, осматривают пациентку.

ХИРУРГ. Операция прошла успешно. Подопытная окончательно пришла в себя, как видите. Пересаженные почки функционируют. Но это ненадолго, скоро начнется реакция отторжения.

ИОСИМУРА. И вы говорите — «операция прошла успешно»?! Мы уже доложили Сиро Исии, что добились результата!.. Делайте следующую операцию. И следующую, и следующую, пока какая-то из них действительно не пройдет успешно!

ТАКЭТО. Разрешите? Это не имеет смысла. Сколько бы вы ни сделали операций, результат будет один и тот же. Организм отторгает чужую плоть. Еще в 1908 году русский ученый Мечников и немецкий профессор Эрлих открыли явление иммунитета...

ИОСИМУРА (кричит). Хватит болтать, доктор Ямагути! Если вы знаете, как это делать, — делайте! А если можете только болтать языком, то лучше мы вам егоотрежем!

ХИРУРГ. Господин Иосимура, теоретические выкладки доктора Ямагути блестящи...

ИОСИМУРА. Блестеть должен скальпель, а не выкладки! Когда вы приступите к практическим экспериментам, доктор Ямагути?.. Что вам мешает?

ТАКЭТО. Мне нужны животные для экспериментов.

ИОСИМУРА. Животные? (Смеется.) Сколько угодно! Заходите в любой барак и выбирайте!

ТАКЭТО. Но ведь... Это же люди...

ИОСИМУРА. Это не люди — это материал для исследований! Брѐвна! Бери и пользуй!

ТАКЭТО. Я врач... В мире существует клятва Гиппократа...

ИОСИМУРА. А в Японии существует клятва императору! Русские в Ленинграде проводят работы по созданию суперсолдата! Они вживляют своим красноармейцам титановые суставы вместо костей и удаляют из мозга центры страха! Тряпка! Трус! Ты хочешь, чтобы эти монстры убивали японских солдат?

ТАКЭТО. Но Советский Союз не воюет с нами.

ИОСИМУРА. Так будет воевать!

ТАКЭТО. А Китай...

ИОСИМУРА. А о Китае и говорить нечего! Это уже наша территория! Выжигай дочиста, убивай всех дочиста, грабь дочиста. И строй свое государство! Новое, здоровое, свежее! Это великая цель! Ведь так?

Такэто молчит.

ИОСИМУРА. Не забывайте, Такэто, вы служите в армии императора! Вы отказываетесь следовать его приказу?!

ТАКЭТО. Нет...

ИОСИМУРА. Так выберите себе, наконец, любую из этих обезьян и работайте, как все здесь работают! Бойтесь больших — возьмите маленькую. Детский барак вам известно, где.

*Иосимура стремительно выходит из палаты. Хирург и остальные врачи спешат за ним.
Такэто подходит к женщине, которая лежит на операционном столе.*

ЖЕНЩИНА (тихо, по-китайски). Больно...

ТАКЭТО. Я знаю.

ЖЕНЩИНА. Убей меня, сынок! Если бы ты знал, как это больно... Богом заклинаю: убей! Я все равно сдохну... Я знаю: брёвна выбрасывают в яму... Пожалей меня, и Бог тебя пожалеет...

Такэто молча берёт шприц, он ходит в руках Такэто ходуном. Такэто набирает в шприц воздух и вводит иглу в вену женщины. Рука женщины свешивается на пол.

Сцена 17

Кабинет следователя ФБР.

УЭЛС. Это была война! Господин Ямагути был вынужден служить в армии!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, война. Но именно после этой войны появился термин «военный преступник».

ТАКЭТО. Я не совершал преступлений.

ДЖУЛИЯ. Ваше имя есть в списках врачей этой лаборатории! Доктор Ямагути!

ЯМАГУТИ. Это ошибка. Санитар Ямагути. Меня отправили в детский барак, они хотели, чтобы я ставил опыты на детях. Я зашёл в барак, все дети испуганно попрятались под нары. Только маленькая китайка не спряталась, она сидела на нарах и упорно пыталась оторвать кукле руку. Я спросил её: «Зачем ты это делаешь?» Она так спокойно ответила: «А моей маме тоже ручку отрезали! Вот я ей новую пришью...» Я не смог. Я никогда не смог бы. Я выбежал из барака, но там меня уже поджидал Иосимура. У меня до сих пор в ушах стоит крик: «Санитар Ямагути! Убрать в операционной!» Все мои мечты стать великим врачом и помогать людям разбились тогда об этот крик. Санитар Ямагути...

Уэлс протягивает следователю бумаги.

УЭЛС. Господин Ямагути был подсобным санитаром в Пинфане, а не хирургом отряда 731.

ДЖУЛИЯ. Если это так, то почему господин профессор так боится меня и моих доказательств? И каким образом в Пинфане оказалась эта фотография... Фотография, как вы говорите, вашей жены? Она тоже работала санитаркой вместе с вами?

ТАКЭТО. Нет-нет, её тогда прислали в Харбин с другой целью...

ДЖУЛИЯ. С какой, если не секрет?

ТАКЭТО. Я узнал об этом чуть позже, но тогда она приехала с заданием от НКВД найти меня... И обезвредить...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Обезвредить?

ТАКЭТО. Ну да, выкрасть, убить... Что мне вам объяснять, это же работа такого же ведомства, как ваше...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Господин Ямагути!

ТАКЭТО. У каждого своя работа. Маша согласилась на это только для того, чтобы найти меня в Китае.

На экране Харбинский вокзал 1935 года.

Сцена 18

Из вагона только что прибывшего поезда выходит Маша с чемоданом. На перроне стоит ухоженная женщина лет шестидесяти. Женщина коротко улыбается и протягивает Маше руку.

ТАТЬЯНА. Татьяна Ивановна Туринская.

МАША. Маша. Кузнецова. Очень приятно.

ТАТЬЯНА. Готовить умеешь?

МАША (не сразу). Н-ну да...

ТАТЬЯНА. Тогда будешь посуду мыть в «Модерне». Я там поварихой работаю.

МАША. Поварихой?

Маша обращает внимание на китайцев, идущих по перрону: женщины — загримированные, тщательно зачесанные, идут-покачиваются на малюсеньких туфельках-«копытцах», многие мужчины с косами и в подобиях юбок.

МАША (громко, не скрывая удивления). Ой! Косы на голове, и ходят в юбках! Это что же, мужчины?

ТАТЬЯНА (недовольно). Привыкай разговаривать тихо. Здесь все понимают по-русски. Пойдем.

Татьяна подхватывает чемодан Маши и тут же опускает его.

ТАТЬЯНА. Ты чё, динамита туда напихала?

МАША. Да нет... Книжки там...

ТАТЬЯНА. Книжки... Жить будешь у меня.

МАША. Спасибо.

ТАТЬЯНА. Спасибо скажешь, если дотащим это до дома!

Навстречу идёт Зиновий Андреевич, русский мужчина лет семидесяти-семидесяти пяти, изысканно-рафинированный его вид не позволяет назвать этого человека старичком. Несмотря на июньскую жару, его рубашка застегнута на все пуговицы, сверху надет рыжий чесучовый пиджак с запонками, в кармашке пиджака — аккуратно сложенный треугольничком платочек. Справа от пояса свешивается золотая цепочка с лорнетом.

Мужчина идет, опираясь на трость.

ЗИНОВИЙ. Доброе утро, сударыни.

ТАТЬЯНА. Здравствуйте, Зиновий Андреевич! А что это вы так рано на вокзале?

ЗИНОВИЙ. Я всегда встречаю поезда из Москвы. Запах Родины...

ТАТЬЯНА. Знакомьтесь: Маша, посудомойкой у нас в «Модерне» работать будет.

Зиновий Андреевич целует Маше руку.

ЗИНОВИЙ. Очень приятно! Зиновий Андреевич. А ваши руки не похожи на руки посудомойки.

МАША. А что, у посудомоек руки какие-то особенные?

ЗИНОВИЙ. Видите ли, Машенька, врожденные интеллигентность и благородство выражаются даже в положении рук. Наклон. Жест. Вы словно сошли с картины «Девушки в черном» Ренуара... Вам знакома эта работа?

Маша смущенно качает головой.

ЗИНОВИЙ. Так вот, когда увидите, обратите внимание на руки этих незнакомок. Они совершенно особенные! Выведенные, кажется, одним росчерком. Даже это темное в талию платье Ренуар написал густым ровным цветом — темно-синим, он не допускал мелких движений кистью. Одна незнакомка — анфас, другая — в профиль... А руки этих девушек словно повторяют изгибы одежды, силуэта, характера, в них есть дыхание рук самого мастера. Это чудо, понимаете? Просто чудо!

ТАТЬЯНА (Маше). Зиновий Андреевич — искусствовед и коллекционер!

МАША. Ой как интересно! (С протестским акцентом.) Ваши дети, наверное, с рождения — профессора.

ЗИНОВИЙ. Мои дети — это мои картины.

МАША. Извините...

ЗИНОВИЙ. Извиняю. У меня есть четыре наброска этой картины Ренуара. Оригиналы. Мой дед был знатным коллекционером в ныне покойной царской России... Царствия небесного... (После паузы.) Да. А моему отцу стоит поставить памятник только за то, что он сумел вывезти эту коллекцию за границу. Заходите как-нибудь в гости. Угощу вас Рембрандтом! (Кланяется Маше.) Хорошо вам устроиться!

МАША. Спасибо!

Зиновий Андреевич уходит.

ТАТЬЯНА (дождавшись, пока Зиновий скроется за поворотом). Интеллигенция хренова. Лучше бы чемодан помог донести.

Сцена 19

Кабинет следователя ФБР.

ДЖУЛИЯ. Я вам не верю, понимаете? Не верю. Детский барак, отрезанные руки. А на вашем лице не дрогнет ни один мускул! Ни одной слезинки!

ТАКЭТО. Я не умею плакать. Только однажды у меня это получилось...

ДЖУЛИЯ. Хотела бы я увидеть это...

УЭЛС. Госпожа журналистка, держитесь в рамках приличия!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но судя по всему, ваша жена не выполнила задание НКВД.

ТАКЭТО. Да... Не получилось. Я был в Пинфане, а она искала меня в Харбине.

Кадры Харбина 1935 года.

Сцена 20

Ресторан гостиницы «Модерн».

Татьяна режет овощи, не глядя на нож. Маша чистит картошку.

ТАТЬЯНА. Маш, а ты в Харбин по какому делу?

МАША. А вам никто ничего не рассказывал?

ТАТЬЯНА. Не рассказывал... У нас принято приказывать, а не рассказывать.

МАША. Я здесь ищу одного человека... Японца...

ТАТЬЯНА. Японцев здесь много. Всё тут уже захватили.

МАША. Его зовут Такэто Ямагути. Доктор Ямагути. Вы случайно не слышали этого имени?

ТАТЬЯНА (пробует блюдо). Чёрт, пересолила. Нет, не слышала.

МАША. Вот и никто не слышал. Ищу его, ищу. Все справочники перерыла...

ТАТЬЯНА. А зачем ищешь?

МАША. Приказано — найти. И привести приговор в исполнение.

ТАТЬЯНА (откладывает нож). Ты что ль приводить будешь?

МАША. Я. Если не захочет вернуться в Россию.

ТАТЬЯНА. Ясно. А ты объявление дай в газету. Мол, родственники разыскивают. Обязательно откликнется!

МАША. А! Татьяна Ивановна! Вы... Вы просто... И как я сама не догадалась?!

Маша бросается к Татьяне на шею, крепко обнимает ее и выбегает из ресторана.

ТАТЬЯНА. Чего бы я так радовалась... Неужели и прибьет с улыбкой?

Татьяна составляет блюда на поднос и ставит всё на столик перед Бородатым посетителем. Бородатый разговаривает с ней вполголоса, несмотря на то что в зале больше никого нет.

БОРОДАТЫЙ. Что хозяину передавать?

ТАТЬЯНА. Целыми днями ходит, выспрашивает. Нет японца.

БОРОДАТЫЙ. Есть японец. Ищите плохо.

ТАТЬЯНА. Я не ищу — я слежу.

БОРОДАТЫЙ. Так подключайся. За этого японца либо орден дадут, либо по башке настучат так.

Татьяна ставит на поднос последнюю тарелку.

БОРОДАТЫЙ. Работай. Не задерживайся возле меня.

Возвращается растерянная Маша. Она бледна и еле держится на ногах. У неё рвотный позыв.

ТАТЬЯНА. Тихо, тихо, иди сюда!

Она уводит Машу из зала.

ТАТЬЯНА. Съела вчерашнюю рыбку?

МАША. Ничего я не ела.

Татьяна пронзительно смотрит на нее, затем на часы, снимает с себя фартук и колпак.

ТАТЬЯНА. Собирайся. Пошли.

На экране Харбинский Арбат 1935 года.

Татьяна и Мария идут по харбинскому Арбату. Навстречу идет Зиновий Андреевич всё в том же костюме, он держится за лорнет.

ЗИНОВИЙ. По вечерам над ресторанами

Горячий воздух дик и глух,

И правит окриками пьяными

Весенний и тлетворный дух...

ТАТЬЯНА (натянута улыбается). Зиновий Андреевич, как я рада вас видеть!

МАША. Это ваши стихи?

ЗИНОВИЙ. Это стихи Блока. Вы не читали Блока?

МАША. В институте.

ЗИНОВИЙ. Милая моя, Блока надо читать не в институте, а в сумерках! Я провожу вас?

ТАТЬЯНА. Нет-нет, Зиновий Андреевич, спасибо! Мы пока не домой. Но мы можем прогуляться завтра! Мы заканчиваем в это же время.

Зиновий Андреевич целует Татьяне и Маше руки.

ЗИНОВИЙ. И каждый вечер, в час назначенный

(Иль это только снится мне?),

Девичий стан, шелками схваченный,

В туманном движется окне...

Они раскланиваются и расходятся.

ТАТЬЯНА. Завтра я тебя отправлю назад, в Москву. Это лучшее, что я могу для тебя сделать.

МАША. О чем ты?

ТАТЬЯНА. О стане твоём, девичьем...

Маша молчит.

ТАТЬЯНА. Ты почему руководству не сказала, что беременна?!

МАША. Я тогда еще не знала! Клянусь!

ТАТЬЯНА. Послушай моего совета: езжай домой!

Татьяна разворачивается и уходит прочь от Маши. Маша пытается догнать ее.

МАША. Татьяна Ивановна, постойте! Да послушайте же! Я не могу! Я должна его найти!

ТАТЬЯНА. Да что ты за человек такой? Ей рожать, а она... Да найдётся кому твоего япошку прибить и без тебя!

МАША. Япошка, которого я ищу, — это отец моего ребенка!

Татьяна останавливается.

ТАТЬЯНА. Дура! Еще японца роди! Тебя с лица земли сотрут! И тут, и в Союзе! Избавься от ребёнка, пока не поздно!

МАША. Никогда! Мы очень хотели его! Вы не понимаете! Слышите?! Такэто — отец моего ребенка, я люблю его больше жизни, только ради него я приехала сюда!

ТАТЬЯНА. Тихо! Не ори. Ты приехала сюда по приказу Родины. (Прикладывает руку к животу Маши.) Но возникли веские обстоятельства... (Обнимает Машу.)

МАША (вдруг поняла). Господи, да они же убьют меня... Они убьют меня, когда узнают...

ТАТЬЯНА. Никто не узнает. Я тебя прикрою.

МАША. Девочку будут звать Эйайко, а мальчика — Айкюта...

ТАТЬЯНА (быстро отстраняется). Как?!

МАША. Это по-японски значит «безграничная любовь».

ТАТЬЯНА. Безграничная глупость, Маша. Открой глаза. Где мы находимся, с кем живем. Пусть хоть временно будет Наташей или Васей!

МАША. Нет, он будет Айкютой или Эйайко, так мы условились с Такэто.

ТАТЬЯНА. С каким Такэто? Его здесь нет! Ты же вроде умная женщина! Нельзя прыгать с парашютом в никуда! Да еще и с ребёнком. (Хмыкает.) Айкюта...

Сцена 21

Кабинет следователя ФБР.

ТАКЭТО. В декабре того же года у меня родился сын. Айкюта.

ДЖУЛИЯ. Боже мой, сколько новых подробностей! О вашем сыне в энциклопедии ничего не сказано.

ТАКЭТО. Я тоже долго не знал об этом. Но это случилось...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как всё интересно складывается. И жена, и сын...

ТАКЭТО. Да, в той жизни у меня было всё, что делает человека счастливым.

Сцена 22

Пушкинский бал в Северо-Маньчжурском университете. Повсюду портреты Пушкина. На сцене растянута надпись: «Северо-Маньчжурский университет. 100 лет без А. С. Пушкина». С пластинок звучит пушкинский «Пророк» в исполнении Шаляпина, «Ария Германа» в исполнении Озерова... У дверей в зрительный зал с обеих сторон стоят

юноша во фраке и барышня в платье-колокольчике с рукавчиками-фонариками и отложным воротником. Они подают входящим дамам и их кавалерам бутоньерки. Недалеко от входа стоит Зиновий Андреевич, в привычном одеянии и с журналом в руках. Ему вручают бутоньерку. Он вставляет бутоньерку в нагрудный карман и высматривает кого-то. К нему подходит Маша.

МАША. Зиновий Андреевич!

ЗИНОВИЙ. Вы все-таки пришли! Спасибо! (Зиновий Андреевич целует Маше руку.) А с кем малыш остался?

МАША. Соседка Сяо смотрит.

ЗИНОВИЙ. Да, так он и по-китайски заговорит!

МАША. Я тоже! Ни хао!

ЗИНОВИЙ. Мне как-то больше по душе «бон суар» или на крайний случай «гутен абенд».

МАША. Почему же тогда вы в Китае?

ЗИНОВИЙ. Вот и я частенько адресую этот вопрос жизни. Это она так распорядилась. Но я обязательно буду в Париже. Понимаете, я ведь не могу думать только о себе. Со мной — картины.

Они проходят в центр зала.

ЗИНОВИЙ (не глядя на Машу). Я держусь как маэстро
на гастролях в уездном
захудалом местечке
среди восторженных дам.
Мне совсем здесь не место,
хоть приятно и лестно, —
как коню без уздечки,
проскакать по лугам...

МАША. Это тоже Блок?

ЗИНОВИЙ (улыбается). Нет, детка, это не Блок.

МАША. Какая же я дура! (Оглядывается.) Пушкин!

ЗИНОВИЙ (смеется). Вы не дура, но и это не Пушкин!

МАША. Что, ваше?

Зиновий Андреевич протягивает Маше «толстый» журнал «Рубеж», Маша мимоходом пролистывает его.

ЗИНОВИЙ. Вот, третий номер наконец вышел. Это Ачаир. Держите. Мой вам презент!

Они поднимаются на сцену — танцевальную залу. Все парят в танце. Зиновий Андреевич жестом приглашает Машу на танец, они танцуют очень медленно, не в такт музыке и всем остальным парам.

МАША. Зиновий Андреевич, указ новый вышел — о принятии советских граждан из Китая на родину. Наших, харбинцев, обратно принимают!

Зиновий Андреевич молчит.

МАША. Паспорта дают. Понимаете, что это значит?

ЗИНОВИЙ. Значит, все будут с серпастыми-молоткастыми паспортами...

МАША. Зиновий Андреевич, вы в Союз хотите?

ЗИНОВИЙ. Я в Россию хочу, Машенька.

Мимо в танце пролетает грудастая дама.

ДАМА. Родина – цэ тужур ля родина!

Музыка заканчивается. К кафедре подходит Женщина в сером костюме.

ЖЕНЩИНА (откашливается). Внимание! Вечер, посвященный 100-летней годовщине смерти Александра Сергеевича Пушкина, откроет профессор кафедры римского права юридического факультета Георгий Константинович Гинс. Георгий Константинович прочтет доклад «А. С. Пушкин — русская национальная гордость».

Все сопровождают выбирающегося к публике профессора аплодисментами. Зиновий Андреевич и Маша тоже хлопают.

Речь Гинса звучит очень отдаленно. Зиновий Андреевич уводит Машу на авансцену.

ЗИНОВИЙ. Машенька, у меня есть к вам серьезный разговор.

Зиновий Андреевич застегивает свой рыжий пиджак на все четыре пуговицы. Маша улыбается. Зиновий Андреевич держится за лорнет, как за спасательный круг.

ЗИНОВИЙ. Вам очень непросто, Маша. Вы растите мальчика без отца. Много работаете. А у меня никого нет. Я хочу дать вашему мальчику свою фамилию и оставить ему наследство. У меня картины, вы знаете. Если бы вы вышли за меня замуж... (Смотрит на опешившую Машу.) Я хочу заботиться о вашем сыне...

МАША (в растерянности). Но... Понимаете... Вы же на пятьдесят лет старше...

ЗИНОВИЙ. Ой, господи боже мой. Старый дурень. Вы всё неправильно поняли. Мне ничего не нужно. Это я не для себя. Я только хочу дать имя вашему мальчику. И всё, что у меня есть...

В зал вбегает Татьяна. Она оглядывается и сразу замечает Машу и Зиновия Андреевича. Татьяна подбегает к ним, с кафедры спускает Гинс, на его месте юноша начинает с выражением декламировать.

ЮНОША. Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман...

ТАТЬЯНА (Зиновию). Я украду у вас Машу? На пару минут...

Звучит вальс. Зиновий Андреевич остается один среди танцующих пар. Все вокруг танцуют, и Татьяна автоматически вовлекает Машу в вальс.

ТАТЬЯНА. Ты точно хочешь уехать?

МАША. Что?

ТАТЬЯНА. Что с тобой? Я спрашиваю: ты точно хочешь ехать?

МАША. Я хочу, да...

ТАТЬЯНА. Я знаю одного человека... Я могу отправить тебя.

Маша молчит и внимательно смотрит на Татьяну, переводит взгляд на одиноко стоящего Зиновия Андреевича.

ГОЛОС ЮНОШИ (все громче). Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы...

ТАТЬЯНА. Ты теперь Скворцова Ирина Леонидовна, вдова красного офицера Скворцова Давида Петровича. Сын – Лев Давидович Скворцов. Запомнила?

Маша молчит.

ГОЛОС ЮНОШИ. И на обломках самовластья

Напишут наши имена!

МАША. Татьяна Ивановна, я не знаю, как вас благодарить!

ТАТЬЯНА. Только никому ни слова! Иначе... И жить надо будет... В Новосибирске... Это же незаконно всё...

Музыка замолкает. Татьяна и Маша продолжают танцевать.

МАША. Когда можно ехать?

ТАТЬЯНА. Немедленно. Завтра. Рано. Поезд в семь утра.

Мимо пробегает грудастая дама.

ДАМА. Девоньки, закончилась музыка-то! Музыка закончилась!

Маша подбегает к Зиновию Андреевичу и хватает его за руки.

МАША. Простите меня, Зиновий Андреевич! Ради бога, простите! Я не могу. Вы золотой человек. Но я не могу. Простите меня!

Маша отходит к Татьяне. Раздается громкий кашель. Они оборачиваются в сторону говорящего.

ЖЕНЩИНА. ...предоставляется выпускнице гимназии нынешнего 1937 года Елизавете Грамкау!

Маша и Татьяна осторожно движутся к выходу и закрывают за собой дверь. К кафедре пробирается тоненькая девушка, она дрожащими руками кладет перед собой несколько листочков.

ДЕВУШКА. Когда вас постигнут испытания, когда перед вами встанут препятствия, когда вы не будете знать, как поступить, спросите себя: как на вашем месте поступил бы он, наш великий поэт...

Сцена 23

Кабинет следователя ФБР.

ТАКЭТО. Но наступила другая жизнь. И я лишился всего, что делает человека счастливым. Пришла война и забрала мою жену и сына.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Они...

ТАКЭТО. Да. Погибли. И это произошло в Пинфане.

ДЖУЛИЯ. Извините...

УЭЛС. Господин следователь, мне кажется, что мы уже достаточно времени уделили госпоже журналистке и вам. Я бы предложил поставить точку в этом непростом для моего клиента разговоре.

ДЖУЛИЯ. Точку? У меня только знаки вопроса... И главный из них — если вы святой, то почему значите в списках докторов Пинфана, а вовсе не санитаров?!

ТАКЭТО. Для меня это тоже вопрос. Где эти списки?

ДЖУЛИЯ. Разумеется, в Пинфане.

ТАКЭТО. Если хотите, мы можем вместе полететь в Пинфан и ответить на наши вопросы.

УЭЛС. Господин Ямагути, это не входило в наши планы...

ДЖУЛИЯ. Вы готовы полететь в Китай?

ТАКЭТО. А вы готовы?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Господин Ямагути. Я обещаю, что вам будут принесены официальные извинения. Более того, советую вам предъявить судебный иск госпоже Крипфорд. Суд отрезвляет многие журналистские головы.

ТАКЭТО. Суд? Люди не должны судить людей... Для этого есть Боги... (Поворачивается к Джулии.) Все вопросы по поездке с вами согласует господин Уэлс.

Уходит раскланявшись.

Сцена 24

Ресторан гостиницы «Модерн». Ночь.

За двумя столиками — засидевшиеся посетители. Входит Бородатый.

БОРОДАТЫЙ. Водки. И картошки жареной!

Татьяна моментально оказывается у столика Бородатого с графином водки и рюмкой.

БОРОДАТЫЙ (Вполголоса). Что наша искательница... счастья?

ТАТЬЯНА. Ищет...

БОРОДАТЫЙ. Ну пусть ищет. Не по этому поводу сегодня. ...Приказ поступил.

ТАТЬЯНА. Я не получала. Знаю только об указе.

БОРОДАТЫЙ. Потому и пришёл. Возвращенцы доедут только до станции «Отпор» Забайкальской.

ТАТЬЯНА. А дальше?

БОРОДАТЫЙ. А там — кому как повезет: кого по этапу, кого расстреляют...

Татьяна изо всех сил старается сохранять безразличие и спокойствие.

БОРОДАТЫЙ. У нас план — десять тысяч только за первый квартал. Желательно — крупные звери с толстыми кошельками. Чтобы не с котомочкой домой собирались.

ТАТЬЯНА. И что, всех до «Отпора»?..

БОРОДАТЫЙ. Не всех. Я же сказал: кому как повезет. Бюро эмигрантов прочистить нужно, ты же там состоишь. Купеческое собрание, разумеется.

ТАТЬЯНА. Кем приказ подписан?

Бородатый вкладывает бумагу в салфетку.

БОРОДАТЫЙ. Поменяй салфетки.

Татьяна достаёт бумажку, прячет её в фартук и отходит от стола.

БОРОДАТЫЙ (громко): Только огурчиков маринованных! Ядреных! Уухх!

ТАТЬЯНА. Только свежие в наличии.

БОРОДАТЫЙ (иронично). Свежие то горькие попадаются, то безвкусные. Я маринованные люблю. Вот эти все одинаково вкусные. И в банке. (Тихо.) Тут уж хочешь, не хочешь – полезай в банку. (Смеется.)

Татьяна отходит в сторону, разворачивает листок и читает.

ТАТЬЯНА. Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы... состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций... В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности... (Пробежалась глазами до конца листа.) ...Немедленно арестовывать... Подлежат расстрелу... Приводить в исполнение немедленно...

Бобслей на Экране и голоса. Руки — молодые и старческие, мужские и женские, с кольцами и шрамами — пакуют в чемодан книги, мелькают обложки: Тургенев, Достоевский, Толстой. Чьи-то руки любовно укладывают ноты, другие — тетради, третьи — мольберты и кисти, четвертые — скрипку, пятые фотографии в рамочках. Сверху каждый кладет иконки, десятки рук застегивают и перематывают верёвками десятки чемоданов.

Сцена 25

Перрон. Паровоз выпускает пар и издает гудок. Татьяна бежит по вагону, заглядывая в каждое купе.

ТАТЬЯНА. Маша! Маша!

Из нескольких купе выглядывают женщины.

ТАТЬЯНА. Простите! Простите ради Бога.

Наконец в одном из купе она находит Машу с ребенком. Татьяна хватается за ее вещи, тянет и вещи, и Машу с Айкютой за собой.

МАША. Что случилось? Татьяна Ивановна, что с вами?!

ТАТЬЯНА (выглядывающим из купе). Извините, семейное. Извините...

Татьяна, Маша и Айкюта спускаются на перрон, и поезд тут же отходит.

МАША. Объясните, в конце концов, что происходит?

ТАТЬЯНА. Молись, Маша. Господь сберёт тебя и сына.

Люди на перроне поспешно осеняют крестами отъезжающих, машут им изо всех сил, бегут еще недолго за составом, съедающим в своем шуме ободряюще-звонкое: «Сразу позвони тете Мусе!», «Некрасова с Михал Аронычем отправлю!», «Адрес сразу же пришли!»... Татьяна смотрит на провожающих.

ТАТЬЯНА. Простите... Простите ради Бога.

МАША. Татьяна Ивановна, да скажите же мне хоть слово!

Татьяна смотрит то на Машу, то на удаляющийся поезд.

ТАТЬЯНА. Маша, их всех убьют! Всех!

Женщина на перроне складывает руки у рта и кричит изо всех сил: «Только умоляю тебя: с красной пряжкой — для бабы Кати!..»

Поезд совсем еще рядом издает последний гудок, и его становится все менее и менее слышно. Татьяна без сил падает на скамейку. Маша дрожит, прижимает к себе Айкюту.

АЙКЮТА. Мама, а мы «ту-ту»?

МАША (гладит сына по голове). И мы ту-ту. И мы. Потом. (Прижимает к себе Айкюту.)
...Счастье-то спряталось в дом украдкой!

Ишь, переполненный счастьем дом —

Ставни тугие зажмурил сладко...

В доме, наверно, пылает печь,

Кресло такое, что можно лечь, —

Очень радушное в доме кресло.

Счастье с ногами в него залезло,

Счастье в мохнатом большом халате...
Там добрая мама... И белая скатерть...
И чай с молоком.

Маша качает Айкюту и беззвучно плачет.

Подбегает резвый китаец в фартуке, с овальной бляхой на груди «Носильщик №14».

НОСИЛЬЩИК. Мадама, помогайка сумка?

ТАТЬЯНА (указывает на чемоданы, по-китайски). К киоту.

НОСИЛЬЩИК (радостно кивает). Николай-вокзайла-помогайла!

Они молча доходят до дальнего угла. Там находится Киот с иконой Николая Чудотворца.

Татьяна и Маша по очереди припадают к иконе и целуют ее.

ТАТЬЯНА. Туда дороги нет.

Уходят.

Сцена 26

Киот исчезает, Харбинский вокзал 1937 года трансформируется в вокзал 1981 года.

ГОЛОС ДИКТОРА. Внимание! Поезд Пекин-Харбин прибывает на третий путь.

Из вагона выходят Такэто, Уэлс и Джулия. Они садятся на то же место, где только что сидели Маша, Татьяна и Айкюта. К ним подходит Второй носильщик.

ВТОРОЙ НОСИЛЬЩИК (по-китайски). 100 юаней — и ваши сумки возле такси!

ТАКЭТО (по-китайски). Спасибо, возьмите, пожалуйста.

Носильщик загружает сумки на тележку и идет впереди Такэто, Уэлса и Джулии.

ТАКЭТО (осматривается). Джулия, вы можете себе представить, что когда-то это был совершенно русский город?..

Джулия не отвечает и даже не поворачивается к Такэто.

ТАКЭТО. Я прилетел с вами в Китай, я еду с вами в Пинфан, чтобы доказать, что меня нет в этих чертовых списках. Я вам так много рассказал о себе и Марии... И вы все равно мне не верите... Почему? Неужели я так похож на преступника?

ДЖУЛИЯ. Профессор, откуда вы знаете китайский?

ТАКЭТО. Я же говорил: меня готовили к работе в отряде 731...

ДЖУЛИЯ. Сколько же вас готовили, что вы так говорите по-китайски?!

Такэто не успевает ничего ответить: раздается страшный крик, толпа людей обступает китаянку, кто-то пытается искать у нее пульс. Такэто подбегает к китаянке.

ТАКЭТО. Всем отойти! Я врач.

Такэто опускается на колени, сдергивает с себя галстук, скручивает его и перетягивает ногу выше раны. Слышна сирена скорой помощи. Двое в белых халатах укладывают китаянку на носилки. Дальше все происходит как в замедленно съемке: люди вокруг исчезают. Возникают белые стены. Женщина на носилках приподнимается.

ЖЕНЩИНА (тихо, по-китайски). Больно...

ТАКЭТО. Я знаю.

ЖЕНЩИНА. Убей меня, сынок! Если бы ты знал, как это больно... Богом заклинаю: убей! Я все равно сдохну... Я знаю, бревна выбрасывают в яму... Пожалей меня, и Бог тебя пожалеет...

Женщина исчезает с носилок, перед Такэто — операционный стол. На экране — фотографии жертв Пинфана, документы, протоколы, маленькая потрепанная иконка, кусочки с нацарапанными иероглифами и словами, лоскут бывшего платья. Мемориальные доски с именами всех замученных в застенках лаборатории.

Сцена 27

ДЖУЛИЯ. Ах, какая удача.

Такэто с недоумением смотрит на Джулию.

ДЖУЛИЯ. Профессор Такэто спас простую китайку!

ТАКЭТО. Что?

ДЖУЛИЯ. Грехи замаливаете?

Экскурсовод лет сорока пяти европейской внешности ведет экскурсию.

ЭКСКУРСОВОД. То, что 40 лет назад на этом месте люди в белых халатах творили с живыми людьми – китайцами, русскими, корейцами и монголами, не снилось даже убийцам Освенцима и Бухенвальда. Этих несчастных называли не иначе как «брёвна»: «Бревно-516», «Бревно-687»... Брёвна, материал для опытов... Им делали инъекции крови животных, всаживали бактерии холеры, столбняка, сибирской язвы, подвешивали вниз головой до тех пор, пока они не умирали, удаляли желудки и пришивали пищеводы к кишкам, ампутировали руки и пришивали их с обратной стороны... Перед вами макет газовой камеры с задыхающимися жертвами. Можете ознакомиться, затем мы пройдем в следующий зал.

Джулия подходит к Экскурсоводу и показывает ему фотографию Такэто и Марии.

ДЖУЛИЯ (по-китайски). Скажите, где можно увидеть оригинал этой фотографии?

Экскурсовод как-то особенно внимательно смотрит на фотографию и на Такэто.

ЭКСКУРСОВОД. А зачем вам оригинал?

ДЖУЛИЯ. Профессор Такэто Ямагути утверждает, что на этой фотографии — он и его жена Мария. Я хотела бы посмотреть оборотную сторону фотографии и сопроводительные документы...

ЭКСКУРСОВОД. Это профессор Ямагути?

ДЖУЛИЯ. Вам знакомо это имя?

ЭКСКУРСОВОД. Так это он хочет увидеть оригиналы?

ДЖУЛИЯ. Нет, это я. Еще я хотела бы видеть списки сотрудников лаборатории и протоколы операций, если это возможно.

ЭКСКУРСОВОД. Вам с указанием даты смерти или без?

ДЖУЛИЯ (растерялась). Э... Лучше с датой.

Экскурсовод разворачивается и быстро уходит.

ТАКЭТО. Джулия, а откуда ВЫ знаете китайский?!

ДЖУЛИЯ. Мое настоящее имя — Джу Ли, я китаянка...

УЭЛС. Вы не похожи на китаянку...

ДЖУЛИЯ. Мой отец — американец. ...В 1945 году мою бабушку схватили на харбинском базаре, и она оказалась в этой проклятой лаборатории. Она пробыла здесь две недели, а в её судный день пришли русские, началась эвакуация... Бабушке удалось бежать, она оказалась в Америке, но этих двух недель хватило, чтобы она сошла с ума и всю жизнь повторяла японские имена, которые произносились в лаборатории... И имя Такэто Ямагути она тоже постоянно повторяла!

Возвращается экскурсовод и протягивает Джулии список.

ЭКСКУРСОВОД. Это копия с подлинных документов.

ДЖУЛИЯ (ищет фамилию). Это единственный список?

ЭКСКУРСОВОД. Это единственный список. Но есть ещё человеческая память.

ДЖУЛИЯ. Да, моя бабушка повторяла постоянно эти имена. Имена убийц! Но здесь нет того имени, которое она повторяла...

ЭКСКУРСОВОД. Это списки элиты. Но убивали здесь даже дворники.

Экскурсовод резко разворачивается и уходит.

УЭЛС. Ну? Теперь вы убедились, что имени профессора нет в списке экспериментаторов!

ДЖУЛИЯ. Я не верю! В аду есть только дьяволы и грешники! Святых туда не пускают!

УЭЛС. Есть ещё жертвы.

ДЖУЛИЯ. Я всё равно узнаю правду!

ТАКЭТО. Вы хотите, чтобы правда была как эта фотография. Но когда-нибудь вы поймете, что жизнь сложнее фотографий... (Уэлсу.) Езжайте в гостиницу. Я пройду по городу.

УЭЛС. Профессор, мне кажется, это небезопасно.

ДЖУЛИЯ. Здесь не любят японский акцент.

ТАКЭТО. Вы опасаетесь за мою жизнь? Вы же желали мне смерти?

Джулия отворачивается и выходит из музея.

ТАКЭТО. Отвезите ее в гостиницу. Я устал от ее ненависти. Я доберусь сам.

УЭЛС. Хорошо, но я прошу вас быть осторожным.

Уэлс уходит, а рядом с Такэто тут же возникает фигура Экскурсовода.

ЭКСКУРСОВОД. Профессор Такэто Ямагути?

ТАКЭТО. Да.

Экскурсовод снимает с себя бейдж и протягивает его профессору.

ЭКСКУРСОВОД. Вы ведь читаете по-китайски?

ТАКЭТО (читает, медленно переводит взгляд на Экскурсовода). Этого не может быть...

ЭКСКУРСОВОД. Мое имя — Айкюта.

ТАКЭТО. Как... Как это?!

Он пошатывается, и Айкюта подхватывает его под руку.

ТАКЭТО. Ты... Ты понимаешь, кто я?

АЙКЮТА. Ты... (Очень тихо.) Ты убийца...

ТАКЭТО. Это не так, Айкюта!

Айкюта молчит.

ТАКЭТО. А что... Что с Марией?.. Что с мамой?

АЙКЮТА. А ты будто не знаешь? Я помню твое лицо и шприц, который ты поднес к моей руке. А потом — тьма. И мамино, и мое имя есть в списках умерших после экспериментальной операции. Отработанные брѐвна выбрасывались в ямы. А нас просто выбросили в степь, чтобы зверьё даже костей не оставило.

ТАКЭТО. Всё было не так...

Айкюта хватается Такэто за горло.

АЙКЮТА. А как? Как?

Такэто становится плохо, он трёт виски.

ТАКЭТО. Мне нужно воды.

Айкюта отпускает горло Такэто и молчит.

ТАКЭТО. Давай зайдем в какое-нибудь место, где можно выпить воды... И поговорить...

Сцена 28

Фойе гостиницы.

Уэлс и Джулия входят в фойе.

УЭЛС. Вы будете ужинать?

ДЖУЛИЯ. Ну не с вами же...

УЭЛС. А я-то в чём провинился перед вами?

ДЖУЛИЯ. В том, что таким, как вы, всё равно, кого защищать: лишь бы платили деньги!

УЭЛС. А таким, как вы, — всё равно, кого обвинять! Благодаря профессору Ямагути, сегодня десятки тысяч людей обретают жизнь вместо смерти.

ДЖУЛИЯ. Может быть. Но что сделать с теми, кто заплатил своими жизнями за эту милость?

УЭЛС. Это была война. Не дай нам Бог, чтобы она пришла к нам снова .

Расходятся по своим номерам.

Сцена 29

Айкюта и Такэто входят в маленькую забегаловку. На экране зал забегаловки. Справа от кассы — зал для посетителей с дымящимися кастрюлями и огромным аквариумом, слева — кухня, дверь туда открыта.

ТАКЭТО (присаживается и делает знак Официантке). Будьте добры, стакан воды.

Официантка наливает воду, Такэто пьет. Айкюта неотрывно смотрит в сторону кухни. На экране мясник разделывает тушки животных: отлетают в разные стороны головы куриц, лапы уток, внутренности рыб... Айкюта берёт со стола мясника небольшой нож и прячет его за пазухой.

ТАКЭТО. Уже лучше. Я ничего не ел с утра. Давай посидим здесь. Может быть, пообедаем?

Айкюта молча кивает.

ОФИЦИАНТКА. Присаживайтесь! Вот за тот дальний столик можно, у окна удобно.

Официантка провожает Айкюту и Такэто к столику, рядом с этим столиком двое китайцев играют в кости.

ОФИЦИАНТКА. Мясные шарики с грибами? Пельмени с рыбой? Хунь дун? Стеклянная лапша? Рыбные клецки? Зелень?

ТАКЭТО. А давайте всего! Мы... Мы с сыном проголодались!

Айкюта морщится, но молчит.

ОФИЦИАНТКА. Бульон — острый или неострый?

ТАКЭТО. Неострый.

АЙКЮТА. Острый.

ОФИЦИАНТКА. Самовар один...

ТАКЭТО. Давайте острый.

Официантка отходит.

АЙКЮТА. Моего отца звали И Минь, он китаец. И мать — Сюэ Мэй. А твое имя я в восемнадцать лет узнал. Лучше бы не узнавал.

Такэто молчит. Подходит официантка, зажигает огонь и ставит большую железную тарелку с крышкой. Уходит. На соседнем столике глухо гремят игральные кости.

ТАКЭТО. Расскажи мне о себе. Хоть немного.

АЙКЮТА. Я окончил Харбинский университет, истфак. Это я помогал открыть музей в Пинфане.

Официантка подкатывает тележку и выставляет на стол большинство блюд, другие остаются на тележке. Отходит. К блюдам никто не притрагивается. Кипит вода в кастрюлях. Гремят кости.

АЙКЮТА. И однажды я нашел запись в журнале о готовящейся операции по пересадке органов от бревна «А-987» бревну «К-1045». Это был мой номер и номер матери, я это помню.

Кипящая вода начала подбрасывать крышку. Такэто снимает крышку со своей кастрюли, затем с кастрюли Айкюты. Они смотрят друг на друга через густой пар.

АЙКЮТА. Там стояла фамилия хирурга Такэто Ямагути. И тогда я вспомнил твое лицо.

ТАКЭТО. И где же этот журнал?

АЙКЮТА. Боишься? Боишься, что люди узнают правду? Я тоже этого испугался. Но я был уверен, что тебя нет в живых, и я совершил преступление! Я сжег этот журнал, чтобы люди никогда не узнали, что я сын чудовища!

Подходит официантка с длинными палочками-щипцами, она собирается бросать еду в кастрюли Такэто и Айкюты.

АЙКЮТА (Официантке, резко). Не надо!

Официантка отходит, Айкюта окликает ее.

АЙКЮТА. Стойте! Мы хотим рыбы. Вон тех двух карпов, самых больших. И зажарьте хорошенько.

ТАКЭТО. Я не ем карпа...

АЙКЮТА. Я знаю, мама рассказывала мне о тебе. (Официантке.) Двух карпов.

ОФИЦИАНТКА. Заказ принят.

АЙКЮТА. Скажи мне правду: кем ты был, в конце концов, профессор Ямагути?!

Китаец за соседним столом кидает кость.

КИТАЕЦ (кричит, довольный). Зима! Бамбук! Северный ветер! Как тебе?

ТАКЭТО. Почему они так кричат?

АЙКЮТА. Такая азартная игра. Игра в кости...

Сцена 30

Номер Уэlsa.

Стук в дверь. Входит Джулия.

УЭЛС. Да-да, извините. Я сейчас сделаю телевизор потише...

ДЖУЛИЯ. Ничего. Это вы извините меня. Я действительно зашла извиниться перед вами. Надеюсь, вы никогда не поймёте, что такое всепоглощающая жажда мести. Я слышу доводы — и не хочу их слышать, я вижу факты — но не хочу им верить. Такое чувство, что, пока он не умрёт, я буду слышать голос бабушки и видеть, как он там...

УЭЛС. Вам нужно обратиться к психологу. Этот стресс можно снять... Надеюсь, у вас нет преступных намерений?

ДЖУЛИЯ. Нет. Этого я сделать не могу. Но я была бы счастлива, если бы это сделал кто-то другой... А вы — извините меня.

Джулия уходит.

Сцена 31

Пинфан. Кафе. Стол заставлен нетронутыми блюдами. Официантка ставит перед Айкютой и Такэто по тарелке с карпом.

ОФИЦИАНТКА. Пожалуйста. Ваша рыба.

ТАКЭТО. Что случилось с вами — я не знал. Побег не удался: охрана нашла меня в степи и вернула в лагерь. Меня не расстреляли, а приговорили к четырем годам тюрьмы... Потребовали, чтобы за это время я изложил всю информацию о моей идее пересадки детских органов — взрослым...

Айкюта потрошит карпа и начинает жадно есть его. Такэто отводит глаза.

АЙКЮТА. Так это была твоя идея?

ТАКЭТО. Это был чистый бред. Но он помог мне выжить и спасти тебя... А в 45-м году, 8 августа, в Харбин вошли русские. В лаборатории началась суэта: срочно вывозили материалы, взрывали здания... Сжигали всё...

АЙКЮТА. Всё и всех.

Айкюта снимает последние кусочки рыбы с костей. Такэто достает из кармана платок и протирает лоб.

ТАКЭТО. Была страшная паника и неразбериха, и мне удалось бежать в Харбин. Там я нашел людей, которые отправили меня в Шанхай. А оттуда уже уехал в США... Много лет я пытался найти вас, но — ничего!

АЙКЮТА. Как-то всё плохо сходится, профессор Ямагути.

ТАКЭТО. Я был уверен, что и ты, и Маша погибли.

АЙКЮТА. Да, мать замёрзла. А я выжил. Меня научили выживать в холоде... Ты же знаешь: меня вместе с несколькими десятками малышей обливали ледяной водой и держали на 45-градусном морозе. Они зарисовывали степени отмирания тканей. Но мои оказались очень прочными...

ТАКЭТО. Бог дал мне счастье увидеть сына живым.

Айкюта отодвигает от себя тарелку с рыбьими костями.

АЙКЮТА. Давай поставим точку в этой истории.

ТАКЭТО (едва сдерживает слёзы). Давай... Дай мне обнять тебя, Айкюта.

Такэто наклоняется над столом и пытается обнять Айкюту. На экране — вылетающие из-под ножа мясника отрубленные куриные головы и рыбы внутренности... Гремят игральные кости.

Сцена 32

Номер Джулии. Джулия смотрит новости.

ВЕДУЩАЯ НОВОСТЕЙ. Криминальные новости последнего часа. Сегодня вечером в пригороде Харбина был убит известный американский профессор Такэто Ямагути.

На экране появляется фотография Такэто.

ВЕДУЩАЯ НОВОСТЕЙ. В его кармане была найдена записка: «Я рожден, чтобы спасти, а не убивать. И то, что я себя убил, это спасение». Однако сотрудники кафе, в котором погиб Ямагути, засвидетельствовали, что это было зверское убийство. Совершил преступление сотрудник музея лаборатории 731 Айкюта Линь.

Уэлс вбегает в номер Джулии.

УЭЛС. Это его фотография! Что они говорят, что они говорят?!

ДЖУЛИЯ (переводит с китайского вслед за диктором). Накануне профессор Ямагути прибыл в Харбин из США. Такэто Ямагути был блестящим хирургом-новатором и спас тысячи жизней. Смерть Такэто Ямагути — невосполнимая потеря для мировой медицины. Такэто Ямагути никогда не был женат, не имел детей и родственников, всю свою жизнь он посвятил науке. Однако, по свидетельству Лю Бао, официантки кафе, в котором было совершено убийство, во время обеда Такэто Ямагути называл Айкюту Линь... Сыном. Причины. Убийства. Выясняются.

УЭЛС. Всё. Теперь вы сможете жить счастливо.

Джулия страшно кричит, хватая стул и с силой опрокидывает его.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 33

В камере — очень постаревший Айкюта. Он сам с собой играет в кости рыбьими косточками. Звенят ключи, дверь камеры открывается. В дверях появляется Стражник, он что-то жуёт и смотрит, как человек передвигает кости.

СТРАЖНИК. Ну, кто сегодня выиграл?

АЙКЮТА. Сегодня — я...

СТРАЖНИК. А вчера?

АЙКЮТА. Вчера? (Задумался.) Тоже я. За двадцать лет я не проиграл ни одной партии...

СТРАЖНИК. Нет, Айкюта Линь, выиграл ты именно сегодня. Собирай кости и — на выход!

АЙКЮТА. Почему? Всем заключенным разрешают играть в маджонг...

СТРАЖНИК. Ты больше не заключенный.

АЙКЮТА. Покажи язык.

Стражник сплевывает красной слюной и показывает ярко-красный язык.

АЙКЮТА. Ясно, снова надрался бинлана...

СТРАЖНИК. Сегодня я еще и выпью водки! За твое освобождение. Тебе подписали помилование. Выходи, Айкюта.

Айкюта замирает и несколько мгновений стоит неподвижно.

АЙКЮТА. Но я не хочу...

Стражник подталкивает старика в спину.

СТРАЖНИК. Не дури, давай-давай.

Стражник и старик молча смотрят друг на друга: стражник — точно на сумасшедшего, старик — как ребёнок, будто спрашивая о чем-то.

АЙКЮТА. Я убийца. У меня пожизненное.

СТРАЖНИК. Ты свободен, дурак!

Сцена 34

Кабинет Начальника тюрьмы. Уэлс и Джулия сидят перед Начальником.

ДЖУЛИЯ. Как это возможно? Двадцать лет мы пытались попасть в вашу страну и достучаться до вашего правосудия!

НАЧАЛЬНИК. Госпожа Уэлс, амнистия подписана. Всё, что мы можем сделать теперь, — это выставить Айкюта Линь из тюрьмы силой, но, боюсь, это пагубно скажется на старике.
УЭЛС. Может, разрешите нам увидеться с ним?

ДЖУЛИЯ. Нам есть что рассказать ему!

НАЧАЛЬНИК. Не думаю. Сам придёт. (Стражнику.) Юй Дин! Возьми пакеты.

Начальник и Стражник выходят.

Сцена 35

Камера Айкюты. Входят Начальник и Стражник.

НАЧАЛЬНИК (показывает на пакеты). Тут — одежда, там — еда. (Протягивает Айкюте деньги.) Здесь — двадцать тысяч юаней. Иди, Айкюта Линь, ты свободен.

АЙКЮТА (рассматривает деньги). Но... Как же так? Я же убил человека...

НАЧАЛЬНИК. Ты убил японского преступника! За это тебя и отпускают.

АЙКЮТА. Он всё-таки преступник...

НАЧАЛЬНИК. Твои друзья сделали всё, чтобы доказать это. И доказали.

АЙКЮТА. У меня нет друзей.

НАЧАЛЬНИК. Иди.

АЙКЮТА (срывается). Что мне делать там?.. Всё, что я должен был совершить в этой жизни, я уже совершил... Оставьте меня в тюрьме! Я прошу вас!

НАЧАЛЬНИК. Тюрьма — не место для героев.

Айкюта разрывает купюры одну за другой.

АЙКЮТА. Вы видите? Смотрите! Да я же опасен для общества! Я псих! Я могу еще кого-нибудь убить! Смотрите, я разорвал все деньги, арестуйте меня за это! (Сквозь слёзы.) Пожа-алуйста!

НАЧАЛЬНИК. Ну что ж, пойдёшь на свободу без денег.

Айкюта хватает со стола рыбную кость и приставляет к своему горлу.

АЙКЮТА. Нет, я не буду больше никого убивать. Я просто убью себя.

НАЧАЛЬНИК. Остановись. Остановись!

АЙКЮТА. Пообещайте мне сначала, что не выкинете меня отсюда!

НАЧАЛЬНИК. Я обещаю, что ты поступишь так, как сочтёшь нужным. (Делает знак Стражнику.) Но для начала встретиться с людьми, которые двадцать лет работали на твою амнистию. Только настоящие друзья могли так рьяно защищать тебя.

АЙКЮТА. Вы что-то перепутали. Дао Гун умер тридцать лет назад, Мяо Фэй сразу за ним. Они что, явились с того света?

НАЧАЛЬНИК. Практически. Эти люди прибыли с другой части света — Америки.

Входят Джулия и Роберт Уэлс.

АЙКЮТА (смотрит на вошедших). Я не знаю таких друзей.

НАЧАЛЬНИК. Джулия и Роберт Уэлс. Тебе как минимум следует поблагодарить их.

УЭЛС. Не нужно.

АЙКЮТА. Ах да, припоминаю. Это, кажется, вы доставили господина Ямагути в мои лапы. Премного вам благодарен за это!

ДЖУЛИЯ (Начальнику). Вы позволите поговорить с ним с глазу на глаз.

НАЧАЛЬНИК. Это может быть небезопасно.

УЭЛС. Всё в порядке.

Начальник и Стражник уходят.

АЙКЮТА. Откуда вы взялись?! И какого чёрта вам здесь надо? У меня своя жизнь, свой крест! Я сын чудовища! Я сам чудовище!

ДЖУЛИЯ (шёпотом). Айкюта, ваш отец — не чудовище. Ваш отец — святой, и мы здесь, чтобы рассказать вам об этом.

АЙКЮТА. Святой? (Хохочет.) Святой... Вы же двадцать лет доказывали, что он монстр! Разве не поэтому меня отпускают?

ДЖУЛИЯ. Мы вынуждены были оболгать вашего отца перед правосудием этого маленького городка, чтобы очистить перед всем миром! А главное — перед вами!

УЭЛС (протягивает Айкюте пакет). Давайте выйдем на свежий воздух. Оденьтесь, там тёплые вещи.

АЙКЮТА. Зачем мне тёплые вещи?! Разве вы не знаете, что я не ощущаю холода? Такие же святые, как ваш Такэто Ямагути, из лаборатории Иосимуры опускали меня в ледяную воду, и я всю ночь стоял голый в 45-градусный мороз! Всю ночь! Потом вторую, третью, пятую... Вместе за несколькими десятками таких же пятилетних малышей, как я. Многие

умирали, понимаете, становились чёрными, я видел кости! Понимаете меня? Человек ещё не умер, а у него уже кости видны...

ДЖУЛИЯ. Айкюта, как вы оказались в лаборатории?

АЙКЮТА. Какое это имеет значение?

ДЖУЛИЯ. Моя бабушка — китайка, она тоже была в этой чёртовой лаборатории. Очевидно, и её, и вас водили по одним коридорам и кормили баландой из одного котла...

АЙКЮТА. Ну почему же, кормили там как раз на убой. Это называлось «откормка». Лучшее мясо и свежайшие фрукты. Подопытный обязан был быть максимально здоровым на начало опыта. Для чистоты эксперимента...

ДЖУЛИЯ. Бабушка не успела рассказать мне это. Она лишилась рассудка.

АЙКЮТА. А я ещё нет... Мы играли с мальчишками в прятки во дворе. Смеялись, дурачились. Каждый хотел спрятаться так, чтобы именно его не нашли. ...Тогда нашли всех, кроме Вани. Мы ума не могли приложить, куда он мог подеваться. Тогда пришлось крикнуть «Сдаемся!». Но Ваня всё равно не вышел...

Сцена 36

Доска объявлений возле жилого дома.

Китайка вешает на стенд «Да дзы бао». Мария останавливается возле стенда.

МАША. Что это значит, Линь Сюэнь?

ЛИНЬ. Война.

МАША. Как — война?!

ЛИНЬ. Ты что, читать не умеешь? Вчера японцы уничтожили американскую военную базу. Всё, это конец. И те, и другие теперь тоже воюют. Ты понимаешь, что это значит?

Маша молчит.

ЛИНЬ. Скоро нас сотрут с лица земли. И так везде японцы, а сейчас что начнётся...

МАША. Перестань! Всё обойдётся!

ЛИНЬ. Это ваше русское «обойдётся»! У вас и Хасан недавно был, и Халхин-Гол, а вы всё «обойдётся»!

Маша замечает Айкюту, мальчик подбегает к ней, они обнимаются. Во двор вбегает заплаканная женщина, Шура.

ШУРА. Где вы играли?

АЙКЮТА. Тётя Шура, вы главное не плачьте! Я вот тут стоял и считал, мол, кто не спрятался — я не виноват... А потом стал искать. Всех легко было найти, а мальчишки говорят, что Ванька за дом побежал. Вы не волнуйтесь, тёть Шур, он найдётся!

*Маша и Шура молчат, глядя друг на друга. Маша с силой прижимает к себе Айкюту.
Айкюта выкарабкивается.*

АЙКЮТА. Mam, ну больно же!

Сцена 36 А

Камера Айкюты.

АЙКЮТА. Mam, ну больно же!

УЭЛС. Да, 1941 год. В Харбине стали пропадать люди.

ДЖУЛИЯ. Есть документы, заявления в полицию. И ни одного найденного...

АЙКЮТА (после паузы). Каждый божий день кто-то не дожидался дома кого-то.

УЭЛС. Это была машина.

АЙКЮТА. Японская машина по сбору мусора... И китайского, и русского...

Сцена 37

Харбинский университет. Слышно патефонное поскрипывание. Негромко играет музыка.

Над сценой — растяжка:

М.Ю. Лермонтов

1841 1941

Зиновий Андреевич читает перед публикой стихи.

ЗИНОВИЙ. Но есть и божий суд, наперсники разврата!

Есть грозный суд: он ждёт;

Он не доступен звону злата,

И мысли, и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

Зал горячо аплодирует.

ГОЛОСА. Зиновий Андреевич, браво! Браво!

Зиновий скромно склоняет голову и, проходя через похлопывания со всех сторон по плечам, оказывается у выхода. Зиновий Андреевич выходит на крыльцо и жадно вдыхает воздух. Из зала двери глухо доносятся: «Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой...» Чья-то рука появляется из-за спины Зиновия Андреевича и зажимает его нос мокрой тряпкой. Зиновий Андреевич медленно оседает на землю. Его волокут по земле.

Сцена 38

Квартира Татьяны.

Айкюта сидит за столом и ковыряется ложкой в тарелке. Маша бежит по комнате, открывая шкафы и тумбочки: в её руках появляется всё больше детских вещей: шапка, рубашечка, комбинезон... Татьяна пытается остановить Машу. Их перекрикивают голоса из радиоприемника: транслируют поэтический вечер харбинской «Чураевки».

ТАТЬЯНА. Уймись. И положи чемодан на место.

МАША. Татьяна Ивановна, надо что-то делать! Делать! Не сидеть!

Фоном из радиоприемника доносится голос диктора: «А теперь молодой чураевец прочтёт стихи Валерия Перелешина, замечательного поэта, который не так давно принял монашеский постриг и работает в русской духовной миссии в Пекине. Валерий Перелешин...»

МАША. Ваня Круглов пропал! Почтальон наш! Венгловские!

ТАТЬЯНА. В Харбине каждый день пропадают люди. Что ты можешь сделать?

МАША (кричит). Да что же это, Татьяна Ивановна?! Нас грабят — мы молчим! Нас убивают — мы глаза отводим! Нас с лица земли стирают — и мы послушно стираемся, Татьяна Ивановна!!!

Маша разворачивает к себе Айкюту и начинает его одевать.

ТАТЬЯНА. Да кому ты что доказывать будешь, дурочка?!

МАША. Я не знаю! Куда бежать? Некуда! Всюду война. Что делать? Господи, делать что?

Бодрый молодой голос начинает отрывисто читать.

ГОЛОС. Под шляпы — от света,
В подушки — от шума,
От ветра и ночи —
Под воротники...
Уходим как в Лету,
Уходим угрюмо,
Чудим и бормочем,
И пишем стихи...

Маша хватает Айкюту и выбегает из квартиры. Татьяна не успевает её остановить, разворачивается к радиоприёмнику и, уставившись в него, смотрит куда-то мимо.

Сцена 39

Мария выходит из квартиры с Айкютой. Мимо, один за другим, проходят китайцы, они несут какие-то коробки и свёртки. Маша выходит на улицу и видит, как китайцы вываливают и забрасывают в грузовик картины. На снег падает одна из них: две девушки в чёрных одеждах, одна девушка — анфас, другая — в профиль. Мария вскрикнула. Китаец наступает на картину, потом поднимает её и забрасывает в грузовик вместе с остальными. Маша подсакивает к грузчику.

МАША. Где вы взяли эти картины? Положите немедленно! Куда вы их везёте?

Китаец разворачивается и идёт в сторону подъезда.

КИТАЕЦ. На блошинный рынок везём. Нам сказали везти — мы и везём. Не отвлекай: работы много.

Из подъезда выскакивает бойкая Тётка.

ТЁТКА (грузчиком). Последняя ходка — и поехали!

Маша подбегает к Тётке.

МАША. Что происходит? Прекратите немедленно! Эти картины — бесценны!

ТЁТКА. Почему бесценны? Два юаня восемь дзяо.

МАША. Что?!

ТЁТКА (невозмутимо). За каждую. Уже проданы!

МАША. Где Зиновий Андреевич?!

ТЁТКА. Нет вашего Зиновия Андреевича, тю-тю! И денег за квартиру — тю-тю! Аферисты.

Маша молчит.

ТЁТКА. Оставил всякой дряни в квартире...

МАША (с трудом пытается подобрать слова). Вы вообще представляете, что это за картины?! Вы могли хотя бы поинтересоваться?!

ТЁТКА. Меня интересует, почему такой бардак в квартире, полы ни разу не мыты, подоконники заросли. А мазня эта меня не интересует. Всё, пошла-пошла, надоела!

Грузчики бросают последнюю партию картин. Маша с Айкютой пытаются бежать за отъезжающими, но чьи-то руки зажимают им тряпками рты и волочат по земле.

Сцена 40

Камера Айкюты.

ДЖУЛИЯ. Я вас понимаю, вас терзает собственная память. Сложно смириться даже с самыми железобетонными доводами, когда в голове вертятся совсем иные факты, мысли,

а самое главное — домыслы. Мне понадобилось двадцать лет, чтобы осознать, какая я была дура, когда обвиняла вашего отца.

УЭЛС (пытается разрядить обстановку). А мне понадобилось двадцать лет, чтобы убедить её в том, что она... не права.

ДЖУЛИЯ (серьёзно). Айкюта, посмотрите на этого человека. (Показывает на Уэлса.) Сегодня он мой муж. А тогда — я ненавидела его за то, что он защищал вашего отца. Мне хотелось убить его — точно так же, как хотелось убить вашего отца.

АЙКЮТА. Госпожа Уэлс, вы зря затеяли этот разговор. У вас всё равно ничего не получится. Плохо мне. Тяжело.

ДЖУЛИЯ. Вы думаете, мне легко?! Это я сломала вашему отцу жизнь. Я сломала жизнь вам!

АЙКЮТА. А, так вы просто хотите искупить грехи? Вас мучает совесть? Так передайте ей, что я вас ни в чём не обвиняю.

ДЖУЛИЯ. Это я заставила вашего отца вспомнить свою боль. Это я сомневалась, обвиняла, издевалась. Это я приволокла его в этот чёртов Харбин.

УЭЛС. Джулия, если бы ты этого не сделала, Айкюта никогда не увидел бы своего отца!

ДЖУЛИЯ. И никогда не убил бы его!

УЭЛС. Он продолжал бы думать, что его отец чудовище.

ДЖУЛИЯ. Он и сегодня продолжает так думать!

Они смотрят на Айкюту, тот молчит.

УЭЛС. Айкюта, если вы не выслушаете и не попытаетесь понять то, что мы расскажем вам, — тогда зачем всё это?

АЙКЮТА. Сыграем в кости?

Джулия и Уэлс переглядываются.

АЙКЮТА. Выиграете — пойдём на свежий воздух. Нет — тоже на свежий воздух, только без меня.

УЭЛС. Мы согласны!

ДЖУЛИЯ (укоризненно). Роберт! Ты когда-нибудь играл в кости?

УЭЛС. Нет, а что такого? При любом исходе мы идём на свежий воздух! ...А если не играем, то отправляемся туда прямо сейчас, это же очевидно.

ДЖУЛИЯ. По-моему, не время и не место для шуток!

УЭЛС. Кажется, никто не шутит, дорогая.

Айкюта раскладывает на столе кости.

АЙКЮТА. Выбрасываем по три раза. Остриём на себя — за каждую плюс одно очко. Если все остриём в обратную сторону — минус десять. Пять костей достаточно.

Айкюта отсчитывает пять костей и даёт их Уэлсу.

АЙКЮТА. Прошу.

Уэлс берёт кости.

ДЖУЛИЯ (Айкюте). Неужели вы не хотите знать правду?

АЙКЮТА. Я знаю правду. Бросайте, господин Уэлс. (Джулии.) Эта правда — в тысячах фотографий. На них — замученные заживо люди, которых и за людей-то не считали!

ДЖУЛИЯ. Вы хотите, чтобы правда была как эти фотографии. Но когда-нибудь вы поймёте, что жизнь сложнее фотографий...

АЙКЮТА (взрывается). Вы знаете, как нас называли в этой проклятой лаборатории? Брёвна!!! (Кричит.) Брёвна!!! (Уэлсу.) Бросайте же, чёрт побери, чего вы медлите?!

Уэлс бросает кости, раздаётся гул, словно упало что-то тяжёлое. Айкюта рассматривает кости.

АЙКЮТА. У вас плюс один, господин Уэлс. Прошу вас, Джулия.

Сцена 41

Пинфан. Комната подопытных.

Зиновий Андреевич, как загнанный зверёк, стоит сбоку возле смятой постели. На двух кроватях сидят мужчины. У окна сидит Яков. Он поворачивает голову к Зиновию Андреевичу.

ЯКОВ. Плюс один.

ЗИНОВИЙ (в замешательстве). Простите?

ЯКОВ. Когда кто-то умирает, точнее, кого-то убивают, — у нас это называется минус один. А когда прибывает — плюс один.

Зиновий Андреевич молчит. Затем присаживается на край кровати.

ЯКОВ. Вот сегодня у нас минус два плюс один. (После паузы.) Лю Вана сегодня заморили. И Вадика. Сожгли. Ты на его кровати сидишь.

Зиновий Андреевич вскакивает с кровати. Яков подходит к Зиновию Андреевичу и жмёт ему руку.

ЯКОВ. Яков.

В комнату заходит Санитар.

САНИТАР (на ломаном русском). Бревно Т-1024.

В комнате повисло молчание.

САНИТАР (зло). Я повторяю: бревно Т-1024!

Яков заглядывает на карман Зиновия Андреевича, где указан номер.

ЯКОВ. Иди. Это ты.

ЗИНОВИЙ. Но сказали — бревно!

ЯКОВ. Это мы. Привыкай. Так они нас называют.

ЗИНОВИЙ. П-почему?

ЯКОВ. Сырьё, материал для опытов...

Санитар движется в сторону Зиновия Андреевича.

САНИТАР. Бревно Т-1024!!!

ЗИНОВИЙ (дрожащим голосом). Я — бревно?..

Сцена 42

Пинфан. Двор, обнесённый колючей проволокой. Вдоль стенки стоят подопытные, в том числе Айкюта.

Санитар громко называет номера, и каждого названного уводят.

САНИТАР. Бревно П-304. (Уводят юношу.) Бревно Д-658. (Уводят девушку.) Бревно А-987. (Уводят Айкюту.)

Карасава, японец средних лет, сидит на раскладном стульчике в толстой меховой шубе, шапке, унтах. В руке, облаченной в пушистую варежку, зажат карандаш. Перед Карасавой несколько мольбертов и рассыпанные на столике длинные карандаши. Карасава прилежно, в цвете, изображает стадии обморожения детей. Видны только рисунки, слышен детский плач. К нему подходит Такэто, он собирает рисунки и идёт в барак. Он садится за стол и систематизирует рисунки Карасавы. Такэто зажимает уши, чтобы не слышать жалобный плач, затем сметает все рисунки в одну кучу. Он открывает ящик стола и едва успевает достать оттуда длинный нож, как входит Иосимура, за ним двое санитаров ведут Айкюту в форме, на его кармашке написано А-987. Иосимура мельком смотрит на Айкюту.

ИОСИМУРА (санитарам). Этого приготовить на завтра.

Айкюту уводят, Такэто провожает его взглядом.

Сцена 43

Камера Айкюты.

АЙКЮТА. У вас плюс два, госпожа Уэлс.

ДЖУЛИЯ. Почему вы думаете, что он хотел совершить зло по отношению к вам?

АЙКЮТА. Я помню его злое лицо. И его безумные глаза — тоже хорошо помню. Тогда я не знал, кто это. Узнал потом, в операционной...

ДЖУЛИЯ. Айкюта, в тот момент он решил покончить с собой!

АЙКЮТА. Как трогательно! Почему же он не сделал этого?

УЭЛС. Потому что увидел вас!

АЙКЮТА (смеётся). Вы начинаете мне нравиться! Отличный сюжет для китайской оперы!
(Берёт кости.) Мой ход.

УЭЛС. Я неправильно выразился. Тогда он, как и вы, не знал, кто перед ним. Но он слышал...

ДЖУЛИЯ (перебивает). Вы же знаете, что такого имени, как у вас, нет ни у кого в мире. Ваши родители назвали вас так, потому что они хотели дать своему ребёнку имя «безграничная любовь». Без-гра-нич-ная-я лю-бовь!

АЙКЮТА (с грустной усмешкой). Безграничная любовь...

Айкюта со злостью бросает кости, раздаётся гул, словно упало что-то тяжелое.

АЙКЮТА. Плюс пять! Я выиграл! Второй круг.

Сцена 44

Барак. Иосимура осматривает стол Такэто.

ИОСИМУРА. Санитар Ямагути, почему до сих пор не систематизированы срезы тканей?

ТАКЭТО. Господин Иосимура, имею я право покинуть лабораторию и отправиться на фронт? Служить на благо Японии...

ИОСИМУРА. Запомни, юноша: эту лабораторию никто просто так не покидает. Здесь твой фронт.

ТАКЭТО. Господин Иосимура...

ИОСИМУРА. Отставить. И систематизировать, наконец, срезы тканей. Всё.

Иосимура выходит. Такэто смотрит на смешанную кучу листов, берёт один лист в руки.

Такэто достаёт из ящичка нож с длинной рукоятью. Он медлит несколько мгновений, затем кладёт нож рядом, берёт небольшой квадрат желтой бумаги, ручку и пишет, повторяя вслух.

ТАКЭТО. Я рожден, чтобы спасать, а не убивать. И то, что я себя убил, это спасение.

Он берёт нож и подносит его к нижней части живота. Отодвигает, снимает с себя рубаху и снова приставляет нож.

Мимо через двор ведут группу женщин, по другой стороне — группу детей, среди которых Айкюта. Мария вырывается из строя женщин.

МАША. Айкюта!

Такэто оборачивается в сторону окна.

ТАКЭТО. Айкюта?

МАША. Айкюта!

ТАКЭТО. Этого не может быть, нет!

Такэто бросает нож на стол и бежит к окну.

ТАКЭТО. Маша?! Господи, Маша!.. (Кричит в окно.) Эй, Йошинори, это новенькие? Куда их ведут?

ИОШИНОРИ. В стойло. На «откормку». Послезавтра начнут знакомить с нашими крысками. (Смеётся.)

Такэто одевается на ходу и сворачивает свою предсмертную записку.

Джулия и Уэлс, словно невидимые, проходят в барак, забирают записку из рук молодого

Такэто и оказываются вместе с ней в камере Айкюты.

Сцена 45

Камера Айкюты.

ДЖУЛИЯ (передаёт Айкюте записку). Прочитайте.

АЙКЮТА. А вы бросайте, господин Уэлс, не задерживайте... (Читает.) Я рождён, чтобы спасать, а не убивать. И то, что я себя убил, это спасение.

УЭЛС. Это предсмертная записка вашего отца. Она была у него в кармане в тот злополучный день... Когда вы были в кафе...

АЙКЮТА. Когда я убил его. Называйте вещи своими именами. И бросайте наконец кости!

Уэлс бросает кости.

УЭЛС. Эту записку нашли в его куртке. Много лет я был адвокатом вашего отца. Об этой записке и о том событии в Пинфане я узнал задолго до... этого дня.

АЙКЮТА (смотрит на записку). Почему я должен верить вам?

УЭЛС. Потому что мы желаем вам добра.

АЙКЮТА. У вас минус пятнадцать, господин Уэлс.

УЭЛС. Как же так?

АЙКЮТА. Видите: две кости легли крестом. Эта комбинация означает минус пятнадцать.

ДЖУЛИЯ. А почему МЫ должны верить вам?

АЙКЮТА. Потому что у вас нет другого выхода. Как и у меня... Бросайте, Джулия.

Сцена 46

Пинфан. Комната, заставленная колбами и большими стеклянными банками с грызунами.

Машу вводят в комнату, и крысы под ее ногами разбегаются. Маша вскрикивает.

Мужчина, сидящий на скамейке, поднимает глаза. Это Зиновий Андреевич. Зиновий

Андреевич подходит к Маше, они молчат в недоумении несколько секунд.

ЗИНОВИЙ. Я не могу подать вам руки, Машенька: мне её крыски обкусали.

Маша бросается к Зиновию Андреевичу и припадает к его рукам. Зиновий Андреевич пытается высвободить руки.

ЗИНОВИЙ. Что вы делаете, Маша? Перестаньте, я прошу вас! Крысы — это очень опасно...

МАША (заглядывает ему в глаза). Господи... Золото самой высокой пробы куда ни помести — оно всё равно останется золотом самой высокой пробы. Это правда, Зиновий Андреевич.

ЗИНОВИЙ. Машенька, меня мучает один вопрос. Я понимаю, это не к месту, но... Мои картины... Простите...

Машу как кипятком ошпарило, она несколько мгновений молчит.

МАША. Всё хорошо, Зиновий Андреевич... Они в порядке...

Зиновий Андреевич молчит в оцепенении.

МАША. Когда вы пропали, их сразу же... Сразу же спасли. Они в надёжном месте.
ЗИНОВИЙ. Понимаю...

Зиновий Андреевич держится за стенку.

МАША. Они в очень надёжном месте.
ЗИНОВИЙ. Да, я понимаю...

Сцена 47

Комната подопытных. Яков сидит на своей кровати. На ту кровать, что ближе к выходу, присаживается Мужчина.

МУЖЧИНА. Простите?

ЯКОВ. Когда кто-то умирает, точнее, кого-то убивают — у нас это называется минус один.
А когда прибывает — плюс один.

Мужчина молчит.

ЯКОВ. Вот сегодня у нас минус один плюс один. (После паузы.) Старичка сегодня сожгли.
Но его не убивали. Он сам умер. Представляешь? Сам — просто взял и умер...
Счастливый человек. Ты на его кровати сидишь.

Мужчина вскакивает с кровати Зиновия Андреевича.

Сцена 48

Кабинет Иосимуры. Айкюта, полураздетый, стоит возле стенки. Его осматривает сам Иосимура. За столом сидят несколько врачей.

ИОСИМУРА. Невероятно. Эти ткани по определению не могут восстановиться у человека!

Один из докторов приподнимается из-за стола.

ДОКТОР. Его возраст как раз способствуют этому, плюс необычайный иммунитет.

ИОСИМУРА. А что остальные бревна?

Приподнимается Второй доктор.

ВТОРОЙ ДОКТОР. Десятерых пришлось уничтожить, одному это предстоит сегодня, Карасава с ним работает. Получились ценные эскизы. Если смотреть на...

ИОСИМУРА (перебывает). Секретарь, запишите.

Секретарь берёт бумагу и ручку.

ИОСИМУРА (диктует). Отметить безупречное здоровье бревна А-987, в кратчайшие сроки провести заключительное гистологическое обследование. На понедельник назначить вскрытие, здоровые органы поместить в специальную лабораторию для исследований.

Айкюта ковыряется пальчиком в стенке, чертит какие-то воображаемые линии, рисует воображаемых человечков.

ИОСИМУРА. Вскрытие проводят: доктор Ямамото...

Ямамото тут же встает, гремя стулом. Айкюта оборачивается и рассматривает его.

ИОСИМУРА. Доктор Куроки, Кобаяси, Танака...

Люди по одному встают, Айкюта смотрит на каждого, продолжает чертить пальчиком...

Сцена 49

Камера Айкюты.

АЙКЮТА. Я запомнил, что людям в белых халатах надо доверять. Меня так мама учила. Все те люди были в белых халатах, их было много. Но ничего, кроме страха, я к ним не испытывал. Я не понимал — зачем меня привели в операционную, я ведь был абсолютно

здоров... Но меня совершенно точно собирались положить на тот же стол, с которого недавно сняли мальчишку Дин Тао... А там уже стояли огромные контейнеры и колбы, куда собирались складывать мои органы. Понимаете, господин Уэлс? Госпожа Уэлс, вы понимаете?.. У вас плюс четыре, госпожа Уэлс, поздравляю вас.

ДЖУЛИЯ. Откуда вы узнали о том, что с вами собирались сделать?

АЙКЮТА. Из сопроводительных документов к операции. Я их нашёл через сорок лет. Доктор Ямамото, Куроки, Кобаяси, Танака, — все они должны были аккуратненько разобрать меня на части и разложить по контейнерам и колбам! (С силой бросает кости.)

ДЖУЛИЯ. Среди них нет фамилии Ямагути...

УЭЛС. Её и быть не могло! Господин Такэто Ямагути был к тому времени лишь санитаром в лаборатории.

АЙКЮТА. Я опять выиграл: у меня плюс пять. Интересно, кто пускает на операции санитаров и с каких пор санитары уполномочены останавливать операции?..

УЭЛС. Извините, Айкюта, но вы противоречите себе! Если бы Такэто Ямагути каким-то чудом не остановил эту операцию, то мы с вами... не играли бы сейчас в кости!

АЙКЮТА. Бросайте.

Уэлс бросает кости.

АЙКЮТА. Он был там, понимаете? Он был! Я не знаю, что он говорил, я не понимал, но он был там и что-то говорил!

ДЖУЛИЯ. Вы помните, как это было?

АЙКЮТА (смотрит на кости). Вот сколько выпало у вас в прошлом круге — не помню. А сколько колец было на пальцах у главного хирурга и в каких он был ботинках — помню. У вас плюс два. Через пять минут я это забуду. А вот то, как шаркали у них ботинки и как лязгали инструменты перед операцией не забуду никогда. Ваш ход, госпожа Уэлс.

Джулия сидит неподвижно.

АЙКЮТА (словно не заметил этого). Я забился в углу комнаты и наблюдал оттуда за всеми. В какой-то момент я даже подумал, что про меня забыли. Но вдруг наступила тишина. Один развернулся ко мне, второй, третий — как по сигналу. Главный, который с кольцами, стал медленно идти в мою сторону. Он пытался говорить ласково, по-русски. Не знаю даже, что хуже у него получалось, — говорить ласково или говорить по-русски. Он повторял: «Иди сюда, малыш!» Я замотал головой... (Усмехается.) Как будто кто-то

спрашивал моего согласия. Он ещё полтора раза сказал ласково, а потом заорал так, что у меня зазвенело в ушах: «Сюда!!!» Я причитал, умолял, плакал, я кричал: «Айкюта не хочет!»... Я надеялся, что их можно уговорить, что сейчас они скажут: «Всё, малыш, не беспокойся, так и быть, иди к себе...» А еще лучше: «Забирай свою маму, и отправляйтесь домой...» Я так хотел, чтобы они так сказали. Но вместо этого меня схватили и поволокли на тот злополучный стол. Тот самый стол, с которого сняли мальчишку Дин Тао, — мёртвым! Именно в тот злополучный момент в комнату вбежал этот... человек. Такэто Ямагути. Он стал что-то быстро говорить главному, и скоро они вышли...

Сцена 50

Кабинет Иосимуры. В кресле сидит Ямамото, перед Иосимурой — встревоженный Такэто.

ТАКЭТО. Этот мальчик — редчайший экземпляр, с уникальной врождённой иммунной защитой. Нужно только понять, какая из желез внутренней секреции отвечает за эту невероятную активность. Нужно делать несколько операций, удаляя постепенно, один за другим, щитовидную железу, затем селезёнку, затем другие органы и следить за изменениями иммунной системы организма... Потом эти органы нужно пересаживать взрослому организму. Велика вероятность того, что именно они приживутся.

ИОСИМУРА (недоверчиво). И вы сами будете оперировать, санитар Ямагути?

ТАКЭТО. Я прошу вернуть меня в состав врачей, господин Иосимура...

Иосимура молчит.

ТАКЭТО. Понимаете, это будет двойная сенсация: если мы установим источник иммунной защиты и если эти уникальные органы приживутся во взрослом организме!

Такэто берёт карандаш и бумагу и начинает рисовать. Все молчат. Иосимура, прищурившись, довольно поглядывает на Такэто. Ямамото, будто без интереса, ревниво заглядывает в рисунок.

ТАКЭТО. Возьмём, например, щитовидку...

ИОСИМУРА (перебивает). Возьмите любое взрослое бревно для пересадки органов. Доктор Ямамото, а вы возьмите любое другое бревно для своих исследований. Бревно А-987 передаётся доктору Ямагути.

Иосимура что-то размашисто черкнул на бланке и протянул Такэто пропуск.

Сцена 51

Пинфан. В операционную вводят Марию, она осунулась. Мария озирается по сторонам.

Такэто и его напарник за операционным столом.

ТАКЭТО (напарнику, не поворачиваясь к Марии). Баба какая, а! А у меня уже шесть лет бабы не было!

НАПАРНИК. Дурак потому что.

ТАКЭТО. Дурак был. Дружище, дай пятнадцать минут, а?

Напарник одобрительно хохочет.

НАПАРНИК. Давай, дружок! Прозрел, наконец. А может, давай на пару?

ТАКЭТО. Я первый!

Маша с ужасом слушает этот разговор, пытается вырваться, но её держат два санитары. Напарник Такэто идёт к выходу. Проходя мимо Маши, он запускает свою руку под её больничную пижаму. Маша сопротивляется, ухитряется согнуться и изо всех сил кусает «доктора» за руку. Тот отдёргивает руку, бьёт Машу наотмашь и выскакивает из операционной.

НАПАРНИК. Не люди, а звери какие-то!

Такэто оборачивается, его лицо закрыто марлевой маской. Маша пятится, из её глаз текут слёзы, из носа — кровь.

МАША. Не надо... Пожалуйста, не надо...

Такэто подходит ближе. Маша узнаёт его и кричит изо всех сил. Такэто зажимает ей рот руками и рывкает на санитаров.

ТАКЭТО (санитарам). Пошли вон!

Санитары отпускают Машу и выходят. Маша безумными глазами смотрит на Такэто, пытается отстраниться от него. В её глазах отчаяние, разочарование и удивление одновременно. На экране проносятся картины их жизни в Москве: поезд, общежитие, фотоателье.

МАША. Ты убиваешь людей? Ты же хотел их спасти?

ТАКЭТО. Маша, я спасу тебя!

МАША. Здесь твой сын.

ТАКЭТО. Я знаю, Маша. Умоляю тебя: что бы я ни делал, помни: я спасаю тебя и сына!

Он не успевает договорить, в проёме запасной двери появляется санитар с Айкютой. Такэто толкает Машу, и она падает под стол. Такэто выхватывает из рук санитару Айкюту.

ТАКЭТО (Санитару). Свободен.

Маша приподнимается, Айкюта бросается к ней.

АЙКЮТА. Mamочка!

Маша хватается за Айкюту, рассматривает ноги и руки, считает пальцы.

МАША. Я так, когда ты родился, всё проверяла. Чтобы всё на месте —ручки, ножки, пальчики... Господи...

Она обнимает Айкюту. Такэто подходит к ним.

ТАКЭТО. Времени нет! Маша, я должен сделать эти уколы!

МАША (Айкюте). Не бойся! Это не больно!

Такэто делает Марии и Айкюте уколы, они засыпают. Такэто отодвигает Айкюту и накрывает его простынёй, затем открывает дверь и выглядывает в коридор, застегивая штаны.

ТАКЭТО (Напарнику). Сдохла что ли... Вроде ничего такого не делал...

НАПАРНИК (смеётся). Перестарался! Или меня испугалась!

ТАКЭТО (с деланным беспокойством). А что мне за это будет?

НАПАРНИК. Да ничё не будет, другое бревно возьмём.

ТАКЭТО. Фу, а то испугался. Только никому не говори, ладно?

Они заходят в операционную, Напарник трогает пульс у Маши.

НАПАРНИК. Что ж ты, красавица, меня не дождалась! (Смеётся.)

ТАКЭТО. Давай сегодня уже не будем... Тошно как-то. Завтра.

НАПАРНИК. Сам зарегистрируешь?

ТАКЭТО. Само собой.

Напарник снимает халат и выходит.

НАПАРНИК. Тогда я пошёл за sake.

Сцена 52

Двор Пинфана. Санитары безмолвно волокут два чёрных мешка по земле. Уходят. Подбегаёт Такэто. Он оглядывается по сторонам, затем развязывает мешки, делает уколы Маше и Айкюте. Пока Маша приходит в себя, Такэто одевает её и ребёнка в тёплые вещи с чужого плеча. Маша бросается к сыну.

МАША. Что с ним? Почему он не приходит в себя?!

Такэто нащупывает пульс у Айкюты.

ТАКЭТО. Всё в порядке. Он просто переутомлён.

*Такэто с Айкютой на руках и Мария бегут по сугробам, все меньше виднеется
проволочное очертание базы. Они бегут молча. Исчезают.*

*На авансцене возникает кровать, на которой спит Иосимура. Раздаётся телефонный
звонок. Иосимура включает ночник и хватает трубку.*

ИОСИМУРА (после паузы, орёт). Щенок, мерзкий щенок! Искать! И найти до рассвета!
Ты начальник охраны или голова из дерьма (яп. кусотарэ)?!

*Иосимура швыряет трубку, потом встаёт с кровати и набирает номер. Чуть выше
возникает кровать, на которой спит Сиро Исии. Рядом на вешалке висит
обмундирование сёсё, генерала-лейтенанта.*

ИСИИ (орёт в трубку). Ты начальник лаборатории или голова из дерьма?!

*Швыряет трубку, потом встаёт и набирает номер.
Возникает ещё одна кровать с человеком. На вешалке — обмундирование тёсё, генерала-
полковника.*

ТЁСЁ (орёт в трубку). Ты начальник отряда или голова из дерьма?!

Сцена 53

*Метель. Мария и Такэто с Айкютой на руках бегут по сугробам. Айкюта трясётся.
Такэто снимает с себя верхнюю одежду и закутывает в неё Айкюту.*

МАША. Такэто!

ТАКЭТО (перебивает её). Маша, если он ещё раз замёрзнет, он умрёт.

МАША. Почему — ещё раз?

Такэто молчит. Они останавливаются и смотрят по сторонам. Снег застилает глаза.

МАША. Я больше не могу...

*Такэто останавливается и падает в снег. Мария оборачивается и подает ему руку.
Такэто пытается что-то сказать, но только бесшумно шевелит губами.*

МАША. Такэто, пошли! Пошли! Всё будет хорошо...

Такэто показывает рукой: «уходи». Маша не уходит.

МАША. Смотри! Там видны какие-то дома! Это деревня!

Такэто теряет сознание. Маша пьтится и убегает с Айкютой на руках.

МАША. Я вернусь! Подожди, прошу тебя! Я вернусь!

Сцена 54

Китайская фанза. Китаец лет пятидесяти, И Минь, выходит из фанзы и видит на дороге Марию с Айкютой на руках, она еле передвигает ноги. Китаец подбегает к ней.

И МИНЬ. Быстрее в дом! Он же совсем ледяной!

МАША (по-китайски). Прошу вас... Ради всего святого... Помогите...

И МИНЬ (поворачивается к дому, кричит). Сюэ Мэй! Сюэ Мэй!

Из дома выскакивает китаянка, тоже лет пятидесяти, она бежит к мужу. Маша протягивает ей Айкюту.

МАША. Спасите, заклинаю вас!

Сюэ Мэй, не раздумывая, берёт Айкюту на руки.

СЮЭ МЭЙ. И Минь...

И Минь жестом показывает, чтобы она уходила в дом. Сюэ Мэй бежит к дому.

МАША. Это Айкюта. Его зовут Айкюта. (Тянет за рукав И Миня.) Там в степи человек...

Мой муж... Я покажу вам...

И МИНЬ. Куда идти? Вы на ногах не стоите!

МАША. Иначе он умрёт! Прошу вас!

И Минь идет за ней.

И МИНЬ. Как вас зовут?

МАША. Мария.

И МИНЬ. Мария, может быть, я поищу сам? Как его зовут?

МАША. Такэто Ямагути.

И МИНЬ. Как?!

Мария не отвечает и идёт вперёд: она увидела Такэто.

МАША. Такэто! Такэто!

К ним подходит И Минь. Он смотрит на Такэто.

И МИНЬ. Но это японец!

И МИНЬ. Это человек, которому нужна помощь!

И МИНЬ. Мария, я не стану ему помогать.

МАША. Я прошу вас!!!

И МИНЬ. Я не стану спасать тех, кто убивает китайцев!

Вдалеке слышен вой сирен на машинах.

МАША. Это японцы из лагеря! Они убьют его! Спасите!

И МИНЬ. Вот японцы пусть и спасают своего. Пойдёмте! Не рискуйте своей жизнью!

Маша беззвучно рыдает, затем теряет сознание. И Минь поднимает Машу и тащит её на себе по сугробам.

Сцена 55

Камера Айкюты. Джулия бросает кости.

АЙКЮТА. Плюс один. (После паузы.) Если он там был, почему не дошёл с нами до фанзы?

УЭЛС. Айкюта, он отдал вам все свои вещи. Он умер бы в той степи, если бы японцы не схватили и не вернули его в ту проклятую лабораторию. Из неё никто не мог уйти просто так. За ваше спасение он заплатил четырьмя годами заключения.

АЙКЮТА. А в документах про нас было написано просто: выбросить в степь... (Бросает кости, но не смотрит на результат.) Если всё это так, почему И Минь и Сюэ Мэй не рассказали мне о том, с нами был ещё кто-то? Ведь мать перед смертью приходила в сознание, уж наверное, она рассказала бы им о муже?!

ДЖУЛИЯ. У них могли быть мотивы не делать этого...

АЙКЮТА. У них не могло быть никаких мотивов! И Минь и Сюэ Мэй — святые! Они в жизни муху не обидели!

УЭЛС. Они, может, и не обидели, а вот их семью могла коснуться жестокость японцев. Вполне возможно, что в их семье, как и в миллионах других китайских семей, слово «японец» стало ругательством. Может, они не захотели говорить о нём или помогать ему...

АЙКЮТА. Это исключено. Люди, которые вырастили чужого ребёнка?! Люди, которые перешивали свои шапки и рукавицы мне на полушубок?! Которые учили меня слушать ветер и разговаривать с птицами?! Эти люди не могли совершить зло! Эти люди свя-ты-е!

ДЖУЛИЯ. А человек, который родил вас, который спас вас от вскрытия и рисковал собственной жизнью, чтобы освободить вас и вашу маму, — этот человек для вас кто?!

АЙКЮТА. Я жил в тепле и в любви. А там, всего за пару километров от меня, ещё четыре года обливали малышей ледяной водой и зарисовывали стадии обморожения тканей... Ещё четыре года резали, кололи, убивали... Ещё четыре года я слышал по ночам детский плач. Я до сих пор не знаю, снился он мне или действительно доносился до нашего дома...

ДЖУЛИЯ. Лаборатория просуществовала до 8 августа 1945 года.

АЙКЮТА. Да, тогда русские вошли в Харбин. Была такая эйфория, закончилась война. В деревне скинулись у кого что было — и наготовили целый чан праздничных пампушек. В основном они были пустые, но попадались и с капустой... Тогда я уплетал пампушки и не подозревал, что ещё несколько дней всего — десять-пятнадцать, и не было бы ни пампушек, ни нас, и мир выглядел бы иначе... Но русские застали этих ублюдков врасплох. В моих жилах течёт русская кровь, и я горжусь этим!

УЭЛС. В ваших жилах течёт и японская кровь, кровь японца, которого не сломила адская машина и который сумел остаться человеком!

АЙКЮТА. В тот день люди вскрыли себе вены и написали общей кровью на бетонной стене: «Долой японский империализм!» Ни у кого из них не могло быть детей — всех этих

людей через несколько минут сожгли, там здания жгли вместе с людьми — чтобы не осталось свидетелей. А они сделали такую надпись. И по этой надписи, как по жилам ребёнка, текла кровь — русская, и китайская, и монгольская, и корейская. Это была самая страшная фотография из всех, что я собрал для музея Пинфана.

Уэлс в оцепенении, Джулия плачет.

ДЖУЛИЯ. Но ведь Судьба сделала так, чтобы вы — один из немногих — остались в живых!

АЙКЮТА. Это сделал мой отец. Теперь я понимаю, откуда в мужской рубашке взялась фотография, сделанная в 1935 году Наппельбаумом... Это была рубашка моего отца, ведь это он укутывал меня в степи, чтобы я не замёрз... (Айкюта переворачивает каждую кость.) Видите? Такая комбинация означает минус двадцать. Минус двадцать и аннулирование выигрыша в прошлом круге... (Улыбается и плачет.) Я проиграл. Я проиграл.

Айкюта берёт в руки предсмертную записку отца, нюхает её, прижимает к губам.

ДЖУЛИЯ. Вы понимаете, что неслучайно оставлены на этой Земле жить?..

АЙКЮТА. Несколько раз я пытался возразить судьбе и покончить с собой. Последний раз — пару часов назад. С помощью вот этой косточки.

Айкюта берёт одну из костей и подносит её к своему горлу. Джулия вскрикивает. Уэлс прижимает Джулию к себе и делает знак Айкюте, чтобы тот убрал кость.

АЙКЮТА. Чего вы так испугались, Джулия?

ДЖУЛИЯ. Я боюсь смерти и боюсь, когда она вот так, — совсем рядом.

АЙКЮТА. Знаете, Джулия... Смерть — это когда у тебя билет в пятнадцатый вагон, ты проходишь до конца поезда, обнаруживаешь, что там всего четырнадцать вагонов, и, пока не можешь понять КАК ЖЕ ТАК, — поезд уезжает. Без тебя. Вот это смерть. Пустота. А не это.

Айкюта бросает кость на пол. Затем сметает со стола все кости. Раздаётся глухой гул, словно упало что-то тяжёлое. Эхо подхватывает гул.

АЙКЮТА. Плохая игра.

ДЖУЛИЯ. Простите меня. Умоляю. Я виновата... Если бы не моё глупое желание разоблачить, судить, наказать...

АЙКЮТА. Нет, Джулия. Это война так кости бросила. Все мы только фишки в этой игре. И ставка высока, и Судьбу не обманешь...

Айкюта вдавликает кости в пол.

АЙКЮТА. Плохая игра. Плохая. Но я проиграл. Я должен выполнить обещание. И не могу сделать этого. Если я выйду — значит, я убил подонка. А если останусь — значит, убил невиновного, и несу наказание за это! Я не выйду, я не могу.

УЭЛС. Если вы не выйдете отсюда, тогда никто никогда не узнает правду! И в книге, которую готовят к изданию в этом году, — об Отряде 731, его жертвах и палачах, — палачами будете и вы, и ваш отец. Только вы можете опровергнуть это!

ДЖУЛИЯ. Очистите и себя, и отца! Послушайте нас!

АЙКЮТА (после паузы). Скажите: на двадцать тысяч юаней можно купить пару живых крапов?

УЭЛС. На двадцать тысяч юаней можно открыть лавку с живыми карпами, дружище!

Айкюта собирает разорванные купюры, разбросанные по камере.

АЙКЮТА. Вы отвезёте меня в рыбный магазин? И к Сунгари.

Сцена 56

На экране — руки Айкюты, которые выпускают в реку рыбу.

© Стародуб-Афанасьева Я.Ю., 2014